

Блуждающий свет за окном

Марина Сарычева

Марина Сарычева

Блуждающий свет за окном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18152320

ISBN 9785447468323

Аннотация

События разворачиваются в отдаленной деревне, где скрывается от жениха наивная и влюбленная студентка Вика. В деревне есть некая странность, и девушка от скуки берется ее исследовать. Погружение в мир деревенских тайн становится все более опасным. И можно благоразумно отступить, но Вика, как мотылек, летит на пламя. Что движет ею? Может быть, любовь? Но главная опасность, подстерегающая Вику, застигнет ее врасплох.

Содержание

Глава первая. Нелидовка	5
Глава вторая. Невеста	14
Глава третья. Бабушка	28
Глава четвертая. Егор	45
Глава пятая. Татьяна	64
Глава шестая. Макарыч	87
Глава седьмая. Савелий	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Блуждающий свет за окном

Марина Сарычева

Иллюстратор Юлия Кутьина

Корректор Александра Приданникова

© Марина Сарычева, 2019

© Юлия Кутьина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-6832-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Нелидовка

Эта обычная с виду деревушка с давних времен пользовалась у соседей дурной славой, и тому было как минимум две причины.

Первой, пусть и не главной, причиной была склонность местных жителей к ведовству. Не скажу, чтобы каждый в деревне колдовал... Вовсе нет! Но колдуны и ведьмы там водились в избытке! В заурядной деревне сколько ведьм обитает? Одна, изредка две, а чаще вовсе ни одной не сыщешь. А если колдун какой объявится – опять же, один на деревню. В Нелидовке магов обоего пола было шестеро, и эта бесовская цифра внушала соседям трепет. Открытой вражды меж соседями не было, но дружбы с нелидовцами старались не водить. Даже бесшабашная молодежь и та осторожничала – невест из Нелидовки не брали, да и женихов не слишком жаловали.

Но колдуны – это так, цветочки! Кого ими нынче удивишь? Включил телевизор – и вот они, родимые, один другого краше... Короче, не в колдунах проблема. Главной причиной недоброй славы деревни была *аномалия*.

Вот тут, пожалуй, надо пояснить. Деревня тянется вдоль дороги километра на три и, словно стрелка компаса, имеет два крайних полюса. Нет, вы не найдете в ее центре межи или границы, полюса определяются местной погодой, анало-

гов которой уж точно нигде не сыскать. Дело в том, что ни в один конкретный момент погода на двух полюсах деревни не может быть одинаковой: когда на одном краю светит солнце, другой непременно застилает плотная облачность.

Не поленитесь, пройдите Нелидовку из конца в конец, полчаса всего и потратите. Казалось бы, небольшое путешествие, а словно тысячу верст отмахали! Из ясного, светлого дня попадаете в хмурое непогодье, а может, из непогодья в ясный день – это уж как повезет. Важна не последовательность природных явлений, а их неизбежная контрастность. Когда на одном краю деревни ясно, то на другом непременно пасмурно, когда на одной из окраин штиль, то на другой уж точно ветрено, а если на ближних участках сухо, то дальние как пить дать залило... И все это на протяжении каких-то трех километров!

Вы сейчас, конечно, усмехаетесь: подумаешь, невидаль, и не такое бывает! И напрасно усмехаетесь. Может, где-то оно и «бывает», но в Нелидовке такое происходит всегда! Из года в год, изо дня в день, из часа в час: на одной окраине – ясно, солнечно, на другой – хмуро, пасмурно; и хорошо, если просто пасмурно, а то и молнии в опасной близости за сверкают, и ливень с небес обрушится, и ураганной силы ветер по краю деревни промчится... Но столь экстремальные явления бывают нечасто. В обычные дни погода распределяется по простому барометрическому принципу: пасмурно – ясно. Вот только пасмурно или ясно сразу над всей деревней

не бывает никогда!

Если бы как минимум раз в сутки погодный вектор не менял направление, участь жителей одной из окраин была бы совсем печальной. Но благодаря неведомому механизму, тщательно следящему за распределением погодных благ, ясных и пасмурных дней окраинам достается примерно поровну. И все-таки «краевые» издавна завидуют «центровым» (тем, чьи избы расположены ближе к центру). Этим счастливым всегда выпадает нечто среднее – например, солнце в легкой дымке, ласковый грибной дождик или освежающий ветерок, подобный утреннему морскому бризу.

И все это, повторяю, в радиусе трех километров! Удивительно? Еще бы! Страшновато? Пожалуй. Необъяснимо? Ну, об этом я пока умолчу...

К счастью для нелидовцев, об аномалии знают лишь в соседних деревнях. Даже в Шатуре о ней не слышали, не говоря уж о самой Москве. И хорошо, что не слышали, иначе вмиг примчались бы ученые со своими хитрыми приборчиками, исходили бы заповедные места вдоль и поперек, изгадили бы девственную природу, вывели бы всех колдунов и ведьм на чистую воду (кого бы в мошенники записали, кого – сразу в сумасшедшие), а в итоге не осталось бы в Нелидовке ни жутких колдунов, ни удивительной аномалии, ни даже горьковато-сладкого привкуса тайны.

Но бог миловал жителей деревни, нелидовская аномалия не получила широкой огласки. А значит, и колдунов на чи-

стую воду никто не вывел – они и ныне творят под покровом ночи всякие безобразия, а ясным днем за не слишком большую плату избавляют сельчан от душевных мук и телесной хворобы.

О природе аномалии до сих пор ходят разные толки.

Местный чудик Вася Горячев, весьма колоритная личность, первый подал идею о том, что погодой в деревне заправляют инопланетяне, облюбовавшие это тихое место в глухих мещерских лесах. По мнению Васи, коварным пришельцам с далеких туманных планет такая погода нужна для масштабного эксперимента, проводимого над жителями деревни. Доказательств у Васи нет, да и откуда им взяться? Разве что блуждающий свет, многократно замеченный за околицей, как-то связан с подрывной деятельностью пришельцев...

Но есть и другая версия – версия Марии Ельцовой.

Мария Степановна Ельцова – моя бабка по отцовской линии, одна из немногих жительниц Нелидовки, никогда не искавших контактов с местными магами. Мнение бабушки таково: «Колдуны да ведьмы погоду испортили!» Доказательств, как вы понимаете, у нее тоже нет.

Как бы Вася народ ни страшал, а у бабушкиной версии сторонников больше, поскольку в инопланетян в деревне не очень-то верят, а в колдунов и ведьм верят все поголовно. Да и как в них не поверить, если колдуны живут с вами на одной улице, здороваются при встрече и по просьбе или

без таковой оказывают всякого рода магическую «помощь».

Дома «чародеев» известны каждому жителю. В начале этой странной истории они располагались в следующем порядке.

На самом краю деревни, в доме под номером один, проживал Иван Макарович Багров, или просто Макарыч. Было тому Макарычу далеко за восемьдесят, но выглядел вполне еще крепким. Ходил зимой и летом в кирзовых сапогах, в овечьей безрукавке, с непокрытой седой головой. Горбатый нос хищно выделялся на заросшем густой бородой лице. Взгляд имел черный, нехороший. С соседями не здоровался, только кивал. Жену и детей давно схоронил и все ждал из города единственного внука – видно, хотел перед смертью колдовскую силу ему передать. Но внук в деревню не торопился, дедуля сильно расстраивался, а от расстройства портил соседскую девку Натаху, которая, опять же по слухам, частенько бегала к деду по ночам.

В деревне деда побаивались, старались не ссориться, с просьбами не лезли, помощи не просили. Был тот колдун как бы сам по себе, вне деревенской общности. И дела его колдовские были мало кому известны.

В доме под номером шестнадцать жил некий Савелий, одинокий мужчина средних лет, работавший грузчиком в нелидовском магазине. С виду был приветлив, любезен, заговаривал на улице с сельчанами, сетовал на холостяцкое житье-бытье, жаловался на завмага, не выдававшего зарпла-

ту «аж третий месяц»... Вроде простак, но не так уж и прост. В дом к себе никого не приглашал – ни соседа, ни молодку, ни спелую разведенку. Да и сам на селе ни к кому не хаживал, разве что редко-редко к бабке Лукерье... На двери его дома, под самой притолокой, были нарисованы какие-то знаки, а по ночам из-за плотно зашторенных окон еле слышно доносилась заунывная музыка. Савелий порчу на людей не наводил, приворотами не занимался, но многие сельчане были уверены – тот еще колдун! Может, даже посильнее Макарыча...

В доме под номером тридцать обитала та самая бабка Лукерья, к которой изредка хаживал Савелий. До чего ж стервозная бабка! Все привороты да отвороты да бесплодие у нелидовских баб – от нее. Деревенские девки к ней давно тропинку протоптали (а к кому, скажите, податься, если надо молодца приворожить, у лучшей подруги отбить?). Да и парни к той бабке дорогу знали. К примеру, понравилась парню девка, а она уже с Лешкой из пятой избы гуляет. Морду Лешке бить хлопотно, себе же дороже выйдет, вон у парня кулачищи какие! А с бабкиной помощью Лешка сам к девчонке охладет. Поплачет девка, погорюет, тут и утешитель найдется.

Хозяйкой сорок второй избы была Татьяна – худосочная дева лет тридцати с небольшим. От прочих «чародеев» отличалась ученостью. В сенях у Татьяны были развешаны пучки трав, различные пахучие корни, в комнате на полках воз-

лежали старинные фолианты и какие-то шаманские атрибуты. Татьяна и диагноз могла лучше любого врача поставить, и заговоры всякие знала (три дня – и грыжи как не бывало), и руками, или, как теперь говорят, энергетикой, лечила.

О Татьяне в деревне любили посудачить – девица, мол, или только прикидывается? Еще был слухок, что Татьяна не просто дева, а оборотень, может обернуться кошкой или лисицей, а два-три раза в год, превратившись в огромную черную птицу, улетает на шабаш. Шабаш тот якобы проходит в глухом лесу, на большой поляне среди болот, где местные колдуны втайне от всех и встречаются: Макарыч, бабка Лукерья, Савелий, Татьяна, ну и, конечно, Марфа из пятидесят седьмой избы.

Марфа считалась самой злоущей из здешних ведьм. Мимо ее окон нелидовцы старались лишний раз не ходить, поскольку верили, что даже мимолетный взгляд колдуньи сквозь оконное стекло способен серьезно навредить. Полагали, что Марфа наводит порчу просто так, от дурного настроения, и ни старику, ни младенцу не будет от нее пощады. Но особенно достанется юной девушке, поскольку именно девушки для немолодой ведьмы как кость в горле – мстит им ведьма за красоту, за юную стать, за страстные объятия с парнями в укромных уголках, поскольку сама этого в юности не имела. Так уж случилось, что уродилась Марфа некрасивой, пучеглазой, да к тому же еще и кривобокой. По этой ли, или по какой другой причине не было у юной Марфы кавал-

леров. Приглянувшиеся ей парни воротили в сторону нос, за что вскорости и поплатились: кто в болоте сгинул, кто в реке по пьянке утонул, а кто на такой стерве женился, что потом и жизни был не рад.

С тех пор и поползли о Марфе нехорошие слухи. Деревенские ее как могли избегали, лишь Вася Горячев, бывший Марфин одноклассник, нет-нет да и заглядывал к ней на огонек. Вероятно, из жалости... А может, и не из жалости во все, а выгоду свою имел, поскольку был тот Вася словно заговоренный: в снегу не замерзал, в воде не тонул и даже, как выяснилось, в огне не горел. Видно, знал он за собой такую особенность, иначе за год до описываемых событий не ринулся бы в пылающую баню соседа, спасая наполовину парализованную соседскую тещу.

Единственной из местных ведьм, не причинявшей людям вреда, была проживавшая в семьдесят втором доме Прасковья. Ее и величали, в отличие от прочих, не ведьмой, а ведуньей. Она в деревне считалась главной по медицине, поскольку до ближайшей поликлиники от Нелидовки километров тридцать. Полечить, конечно, могли и Татьяна с Лукерьей, и, возможно, даже с большим эффектом, только их в деревне побаивались, а к ведунье Прасковье шли смело. Знали, что ее врачевание в худшем случае не поможет, а Татьяна с Лукерьей порой так хитро полечат, что болезнь вроде бы отступит, а через месяц-другой вернется, да пуще прежнего.

Теперь мне пора вернуться к странной истории, случившейся в Нелидовке летом две тысячи четвертого года. А случилось в том году вот что...

Глава вторая. Невеста

Мы были вдвоем на нашей кухне: два самых близких человека, мать и дочь, в тот летний полдень – почти враги.

– Мама, не пытайся меня отговаривать! Все равно поеду в Сочи с Андреем!

Откинув упавшую на лоб темную прядь, я вызывающе уставилась маме в глаза. Куража хватило ненадолго, под ее спокойным взглядом весь кураж куда-то улетучился. Умом-то я понимала, что мама, как всегда, права, но эмоции бурлили во мне, затмевая разум. Мне отчаянно, до судорог, хотелось уехать в Сочи и хотя бы две недели пожить по-взрослому. По-взрослому – это когда не с мамой, не с тетей и даже не с подружкой, а вдвоем с любимым женщиной!

Впрочем, назвать Андрея женщиной можно было с большой натяжкой. Мальчишка! Красивый, избалованный двадцатилетний мальчишка...

Почувствовав во мне слабинку, мама едва заметно усмехнулась:

– Скажи-ка мне, Вика, чего ты хочешь на самом деле? Замуж за Андрея или так... развлечься?

При слове «замуж» я заметно смутилась. Признаться, что я хочу замуж, мне почему-то казалось не совсем приличным, словно подобное признание унижает мое девичье достоинство. Ну разве что закадычной подружке... Или в крайнем слу-

чае маме.

– За-амуж, – дрогнувшим голосом выдавила я.

– Ах, все-таки за-амуж! – передразнила она. – Ну так вот – ничего у тебя не получится! После поездки в Сочи о свадьбе можешь забыть.

Материнская логика оказалась для меня недоступной, поскольку собственная работала с точностью до наоборот. Сначала мы с Андреем едем в Сочи, потом, вернувшись, топаем в загс. Это же так естественно! А она мне – «забудь о свадьбе»...

– Но почему?!

Отвернувшись, мама стала резать овощи в салат. Порубила очищенные яйца, взялась за огурцы. Я сглотнула набежавшую слюну. Приближалось время обеда...

– А зачем парню жениться, если он и так уже все получил? – философски спросила мама.

– Но он еще ничего не получил!

– Значит, в Сочи непременно получит.

Я невольно залилась пунцовой краской. Мама впервые заговорила со мной об «этом». По моим тогдашним представлениям, об «этом» можно было говорить только с ровесниками или теми, кто чуть-чуть постарше, но уж никак не с предками...

– То, что мы е-е-дем вместе, еще ничего не з-значит... – запинаясь, начала я.

– Не смей меня! – перебила мама. – Вы же собираетесь

жить в одном номере! Там и кровать, скорее всего, одна... Да хоть бы и две! Твой Андрей отнюдь не похож на монаха или аскета.

Закончив резать огурцы, она столкнула их в стеклянную салатницу. На очереди был зеленый лук. С хрустом вонзившись в пучок сочных стрелок, мамин нож легко прошел его насквозь. По кухне мгновенно разнесся специфический луковый запах.

– Предположим, у нас «это» случится. Ну и что? Пойми, мне уже двадцать, и, кроме меня, на курсе нет ни одной девственницы. Ни одной! У всех «это» уже хоть раз, но было. Да на твою дочь скоро пальцем начнут показывать! И уж если кто-то должен быть первым, я хочу, чтобы моим первым был Андрей. Парни всегда женятся на девушках, у которых они первые. Это аксиома!

– Ах, аксиома!.. Тогда почему же Андрей не женился на Свете?

Я замолкла с открытым ртом. Выбранная линия защиты завела меня в тупик.

Светка была моей одноклассницей и когда-то близкой подругой. Поступив после школы в один и тот же институт, мы с ней стали однокурсницами. На первом курсе наша прежде нерушимая дружба дала глубокую трещину. Нам обоим понравился Андрей. Почему год назад он выбрал ее? Может, из-за ее отчаянного кокетства, может, из-за зеленовато-серых глаз с поволокой или пышного Светкиного бюста...

Год назад они вместе отдыхали в Сочи. Если верить Светке, перед поездкой она была вполне невинна, а невинность потеряла в сочинском гостиничном номере. Но пышной свадьбы за этим не последовало, после курорта страстный роман подруги очень быстро сошел на нет. Светка рвала и метала, открыто называя Андрея подонком. Я сокрушенно кивала, скрывая бурное ликование в душе. Фиаско подруги меня нисколько не расстроило, поскольку лично у меня появился шанс. Шанс занять освободившееся место!

Я тут же распушила перья, обновила прическу и гардероб, надушилась французскими духами. И Андрей неожиданно клюнул! Пару раз проводил меня до дома, на третий с многообещающей улыбкой пригласил к себе. И тут я, словно по натию, твердо сказала «нет».

– Пока не увижу, что у нас с тобой серьезно, домой к тебе не пойду.

– Как хочешь... Не очень-то и надо!

Он обиделся и провожать меня перестал. После месяца безутешных страданий я решила смягчиться и как-нибудь после лекции попроситься к Андрею «на чай». Но не успела. Он подошел первым и пригласил меня в Сочи – в сказочный курортный город, где мы целых две недели будем только вдвоем, где впервые все будет по-взрослому, по-настоящему...

Перспектива была прекрасной, но мама... Она затею с Сочи решительно не одобряла.

– Так почему же он не женился на Свете? – повторила она тоном экзаменатора, не очень-то рассчитывающего получить от студентки правильный ответ.

– Ну, потому что Андрей встретил меня, потому что я лучше Светки...

– И чем же ты ее лучше?

И это спрашивает моя родная мать!

– Ну, я красивее, и фигура у меня лучше...

– Вот как? Потрясающая самоуверенность!

– Так что же, Светка красивее меня? Да?

– Вика, пойми меня правильно. Для меня ты, конечно же, самая красивая, но, если быть полностью объективной, твоя подружка очень даже ничего. Не всем, знаешь ли, нравятся худышки! Что же касается Андрея... По-моему, он просто собирает из вас коллекцию: сначала Света, теперь ты, а в будущем году будут Алена или Катя. Неужели ты не понимаешь, что от вас, дурочек, ему нужно только одно?

Соловьи, со вчерашнего дня заливавшиеся трелями в моей душе, обиженно примолкли. Неужели мама все-таки права?

«Да нет, она, конечно, ошибается! – обиженно думала я. – Конечно же, Андрей меня любит, и он не поступит со мной, как с подругой, ни за что так со мной не поступит, потому что всегда любил меня, и только меня. А Светку он никогда не любил, просто хотел вызвать у меня ревность! А как прекрасно все может быть в Сочи! Мы в обнимку будем прогу-

ливаться по пляжу, кидаться с разбегу в набегающие волны, плескаться, хохоча, в белой пене, потом сидеть в открытом приморском кафе, есть чебуреки, запивая их терпким красным вином... А вечером, уже в номере...

Все это здорово, просто супер! Но если потом как со Светкой...»

– Что же мне делать? – проглотив образовавшийся в горле ком, тоскливо поинтересовалась я. – Понимаешь, он мне нравится, очень нравится!

Мама закончила резать салат и теперь, склонившись над раковиной, чистила картошку. Коричневая кожура отлетала от ножа красивой ровной спиралью. Я с завистью смотрела на неуловимо ловкие движения ее рук. Наверное, у меня так никогда не получится.

– Если бы у тебя была голова на плечах, – задумчиво сказала мама, – я бы предложила тебе найти кого-нибудь посерьезней, на кого можно положиться... Но головы у тебя, к сожалению, нет! Не обижайся, у меня в твоём возрасте ее тоже не было. Чтобы в двадцать иметь разумную голову, надо родиться холодной ледышкой. Ты же у меня не такая, для тебя главное – чувства. Поэтому я дам тебе другой совет. Если ты действительно любишь этого парня, не допускай его до себя. Пусть сначала женится, так будет вернее.

Печально вздохнув, она продолжила:

– Только не думай, что со свадьбой все проблемы закончатся. Штампом в паспорте мужчину не удержишь, особенно

такого... – она насмешливо хмыкнула, – кобеля. Всю жизнь придется от соперниц отбиваться, если, конечно, не надоест, и сама его не прогонишь.

Я протестующе замотала головой:

– Не будет никаких соперниц. Вот увидишь!

Мама продолжала ловко орудовать ножом. И как ей удается вести серьезный разговор, попутно занимаясь стряпней?

– Ты просто его идеализируешь. По-моему, Андрей – обычный пустоцвет. Красив, блестящ, самоуверен, но... Помяни мое слово, ничегошеньки из него не выйдет! Не добьется он в жизни успеха.

– А кто же, по-твоему, добьется?

– Павлик добьется. Мне кажется, он очень перспективен.

Услышав имя Павлик, я сморщила нос, изображая крайнюю степень презрения. Паша Кочетков! Издевается она, что ли? Еще бы Квазимодо мне в мужья предложила!

– Не стоит гримасничать! – с явным осуждением сказала мама. – Тоже мне, Софи Лорен! Павлик ей, видите ли, нехорош... Будь ты чуть-чуть поумнее, сама бы за него ухватилась. Лучшей пары тебе на курсе не найти.

Нет, она все-таки издевается!

– О Кочеткове мне даже не говори! Он же...

Я поискала подходящий эпитет, но все они показались недостаточно яркими. Все, кроме одного.

– Он же толстый!

На маму это слово не произвело абсолютно никакого впе-

чатления.

– Он не толстый, просто плотного телосложения. Настоящий русский богатырь! И умный, в отличие от красавца Андрея.

Она улыбнулась почти мечтательно.

– Я бы на твоём месте выбрала Павлика. Жаль, что ты не способна его оценить! Тебе подавай яркую обертку, а то, что внутри, тебя, похоже, совсем не волнует.

– Послушай, мам, хватит о Кочеткове, – не выдержала я. – Будь Паша даже умнее Эйнштейна, не нравится он мне, и все! Лучше подскажи, как быть с Андреем.

Она молча сложила очищенную картошку в небольшую кастрюльку, налила сверху воды и водрузила кастрюльку на плиту. Затем вымыла руки, тщательно вытерла их полотенцем и уселась напротив меня.

– Ну, во-первых, – начала она, – нужно под любым предлогом отказаться от поездки в Сочи, иначе потом будешь плакать горше Светы. Во-вторых, желательно на время уехать из города, и не просто уехать, а оборвать с Андреем всякую связь. Не звонить ему самой, не отвечать на звонки... Пусть думает, что у тебя кто-то есть!

– Тогда он меня точно бросит!

– Не бросит. Такого, как Андрей, это только подстегнет. Он же в душе охотник, и добыча для него тем желаннее, чем больше на нее других охотников...

– Предположим, я согласна. И куда же мне уехать?

Мама лукаво улыбнулась. Судя по улыбке, ответ на мой вопрос был уже готов.

– Кстати, бабушку давно пора навестить...

– Бабу Соню? – удивленно спросила я.

Баба Соня жила в Черемушках, и я навещала ее примерно месяц назад.

– Нет, бабу Машу. Сколько лет ты у нее не была?

– Она же приезжала к нам на Новый год! И в прошлом году, помнится, приезжала...

– В том-то и дело, что она к нам, а не мы к ней. Стыдно!

Похоже, мама решила окончательно испортить мне студенческие каникулы.

– Нет, только не в Нелидовку! – возмущенно воскликнула я. – Только не туда! Не поеду я в эту глушь, там же тоска, скукота, даже мобильник сеть не ловит. Да я в Нелидовке и дня не выдержу!

– Мобильная связь там, конечно, не очень, зато московский телефон имеется. Помнишь магазин, что напротив клуба? В нем телефон и установлен. Бабушка договорится с продавщицей, и будешь мне хоть каждый день звонить. А еще за деревней есть пригорочек, оттуда можно и с мобильного. Но это так, на крайний случай... Зато Андрей уж точно до тебя не дозвонится! Будет страдать, мучиться неизвестностью, а как вернешься, замуж позовет. Помяни мое слово!

Я тут же представила, как мы с Андреем под руку шествуем в загс. Навстречу, естественно, Светка. Глядит удивлен-

но, спрашивает: «Куда это вы намылились?» Андрей лишь довольно улыбается, а я так небрежно: «Да в загс, заявление подавать!» Подруга в полном отпаде – то бледнеет, то краснеет, того и гляди в обморок грохнется. Фальшиво выдавливая из себя: «Совет да любовь!», а мысленно желает нам с Андреем вечно гореть в адском пламени.

Потом я представила собственную свадьбу. Представила столь ярко, словно наблюдала за ней наяву.

Юная красавица-невеста в облегающем белоснежном платье и воздушной газовой фате... Высокий стройный жених в элегантном черном костюме... Многочисленные гости за длинным столом, звон хрустальных бокалов, остроумные речи тамады... И где-то среди гостей позеленевшая от зависти Светка, незаметно смахивающая слезы в высокий бокал с шампанским.

Теперь я была готова ехать не только в Нелидовку – в знойную пустыню Карадаг, в джунгли Амазонки, даже на Эверест!

– Ну ладно, – вроде бы нехотя уступила я, – может, и съезжу к бабе Маше на недельку.

– Вот и умница! – поддержала мама. – В среду дядя Гена отвезет тебя на машине.

– Как? Уже в среду?

– А чего тянуть-то? Решила так решила.

Наутро, по совету мамы, я позвонила Андрею и елейным тоном произнесла:

– Привет, Андрюшенька! Надо бы встретиться.

– Что, прямо сейчас? – недовольно пробурчал он.

Судя по осиплости в голосе, Андрей только что проснулся. Я представила, как он сидит на кровати, обалдело смотрит на часы, трет полусонные глаза, пытается пригладить короткий ежик волос, и внезапно почувствовала прилив почти материнской нежности.

– Ладно, давай попозже, часов в двенадцать. На прежнем месте.

– Хорошо, в двенадцать. А что случилось-то?

– Не телефонный разговор, – уклончиво ответила я.

Встретились, как обычно, у выхода из метро «Сокольники», что в десяти минутах ходьбы от моего дома. Я опередила Андрея на целых пять минут, зато получила возможность лицезреть, как он неспешно выходит из метро и направляется прямо ко мне – красивый парень в яркой полосатой футболке и вытертых, с модными заломами над коленями джинсах. Подбородок чуть задран вверх, белокурые волосы коротким ежиком. Бледноватая чистая кожа, прямой скандинавский нос и надменно-презрительное выражение на совсем еще мальчишеском лице...

Боже, как же мне хотелось за него замуж! До судорог, до поросячьего визга. Единолично обладать таким сокровищем – это ли не счастье? Я вмиг представила, как однажды пойду с ним под руку, а на безымянном пальце у меня будет гладкое желтенькое колечко...

Дальше ход моих мыслей пошел по привычной колее. На пути у нас возникла Светка и, конечно же, смотрит на колечко. Смотрит и бледнеет. Затем переводит взгляд на Андрея, просто съедает его взглядом. Мне в глаза старается не смотреть, отворачивается. А мне до нее и дела нет, потому как я теперь – законная жена!

– Салют, Викусик!

Замечтавшись, я даже не сразу ответила на приветствие.

– Привет, Андрюша!

Небрежно чмокнув меня в губы, Андрей отступил на шаг. Надменно-презрительное выражение сменилось легкой заинтересованностью.

– Так что случилось-то? Что за «не телефонный разговор»?

Я набрала в грудь побольше воздуха.

– Дело в том, что я... Я не смогу поехать с тобою в Сочи.

Его продолговатые серо-голубые глаза внезапно округлились, нижняя челюсть удивленно отвисла.

– Почему это не сможешь? Ты же вчера согласилась!

Я напустила на лицо печальное выражение, продолжая внимательно наблюдать за собеседником. Следующую фразу нужно было произнести так, чтобы ее правдивость вызвала у Андрея сомнения.

– Бабушка внезапно заболела, – застенчиво моргая глазами, пробормотала я. (Господи, прости меня за вранье, дай бабушке здоровья и долгих лет!) – Я завтра поеду к ней.

Мне удалось добиться нужного эффекта. Андрюша недоверчиво хмыкнул:

– Бабушка, говоришь... Но почему едешь ты, а не мама?

– Потому что маме отпуск на работе не дают, а у меня, сам знаешь, каникулы.

– А где живет твоя бабушка? – поинтересовался он.

– В деревне она живет. Часа три от Москвы ехать. Деревня называется... э-э-э... Ну вот, опять забыла название!

Почесав белокурый затылок, Андрей подозрительно нахмурился.

– А с какого вокзала ехать?

– С какого вокзала?.. Да что это со мной сегодня, совсем память отшибло! Вокзал и тот не помню.

– Как же ты поедешь, если ничего не помнишь?

– Как, как... Да очень просто! Дядя меня отвезет.

Андрей ненадолго задумался, потом вдруг лукаво посмотрел на меня:

– А хочешь, мы вместе поедем к твоей бабушке?

О, как мне хотелось крикнуть «Да!», расцеловать его в обе щеки и тут же рвануть домой собирать вещи. В конце концов, какая разница – Сочи ли, Нелидовка, если я там буду вместе с Андреем? Но в тот момент я весьма кстати вспомнила Светку после неудавшегося прошлогоднего вояжа, ее поникшие плечи и тоскливые, потухшие глаза. До той роковой поездки глаза у подруги были совсем другими: блестящими, дерзкими, самоуверенными. В них читалось огромное,

неоспоримое превосходство – надо мной, над всеми окружающими. И где теперь это превосходство, в какую дыру провалилось?

Нет, я не буду повторять чужих ошибок! Сначала в загс, а только потом в Сочи, Анталию, Монте-Карло и далее по списку...

– Это невозможно, – твердо сказала я. – Бабушка у меня строгих правил, она не позволит нам поселиться вместе. Мы же с тобой не женаты! Жилье в деревне ты вряд ли снимешь, там чужаков не любят. К тому же разговоры, сплетни пойдут... А бабушку сейчас никак нельзя травмировать!

Он не стал спорить, лишь посмотрел на меня долгим, пристальным взглядом. Очень долгим и очень пристальным. Неужели Андрей ревновал? Ай да мама, просто гений!

Глава третья. Бабушка

А в среду дядя Гена повез меня в Нелидовку. Не то чтобы с особым комфортом, транспорт-то у него – не навороченный «мерседес», а выдавшая виды «девятка»... Но ехать в машине, пусть и не в самой крутой, все же намного лучше, чем два часа трястись в душной электричке, а потом еще целый час в старом громяющем автобусе.

Последний раз я была в Нелидовке лет в двенадцать – гостила у бабушки вместе с родителями. Помню, мы с папой с охотничьим азартом собирали вдоль опушки грибы, ловили на речке рыбу, а мама с бабушкой возились в саду и готовили обед на маленькой электрической плитке (пользоваться деревенской печкой мама категорически отказывалась). В тот год рыбы в речушке было навалом, грибов в лесу – еще больше, хоть и собирали мы их только по краю. Папа запрещал углубляться в чашу, говорил, что в глубине леса – болота, из которых можно и не выбраться, что кто-то из местных на тех болотах когда-то сгинул... И мое богатое детское воображение упорно воспроизводило кадр из фильма «А зори здесь тихие...», тот самый, где юная девушка-зенитчица тонет в зыбкой болотной трясине.

Еще мне запомнилась некая странность, связанная с тамошней погодой, – то ли особый микроклимат, то ли необычная роза ветров... Помню, отец этой странностью

сильно заинтересовался: чертил на бумаге какие-то графики, что-то выискивал в старой прессе, хранившейся в деревенской библиотеке, до хрипоты спорил с местными жителями, доказывая, что нелидовский феномен достоин внимания лучших научных умов, собирался, вернувшись в Москву, писать письмо в Академию наук...

Увы, папиным планам не суждено было сбыться. После возвращения в Москву у отца внезапно случился инфаркт, а в скором времени, когда он, казалось бы, оправился и даже вышел на работу, еще один. Второго инфаркта отец не пережил.

Ехали мы долго, часа два с половиной, сначала по скоростному шоссе, потом все больше по узким асфальтированным дорогам с давно не обновляемым покрытием. На подъезде к деревне и вовсе тащились по грунтовке. Хорошо, что июнь выдался сухой, а то бы точно в грязи увязли.

Зато леса вокруг были знатные. До самого горизонта леса! Большею частью хвойные, с нежным подлеском из молодых елочек и березок... Красота! Даже не верилось, что где-то в глубине таятся непроходимые болота. Впрочем, болота меня не сильно волновали, поскольку по лесам я не ходок. С тех пор, как папа умер, не ходок. Вдвоем с отцом мне было не страшно, а вот одной или с кем чужим – боже упаси! И не только из-за болот... Тут, говорят, гадюки в лесу встречаются, иной раз даже на участки заползают. Но мама меня уверила, что к бабе Маше точно не заползут: ее дворовый пес

Балбес гроза всех окрестных кошек, змей и ежей. Его уже однажды гадюка кусала, а ему хоть бы что! Помаялся, поскулил день-другой, а на третий уже вновь рыскал, какую бы живность сцапать. Охота у него в крови, даром что дворняга!

Добрались мы лишь к полудню. Коротко посигналили перед домом. Дом я не сразу признала (как-никак, минуло без малого восемь лет), да и не было в нем ничего примечательного: обычный деревенский дом светло-коричневого цвета с двускатной черепичной крышей, невысоким крыльцом, белыми ставнями и подоконниками. Как и большинство здешних изб, дом одноэтажный, но под крышей есть небольшой чердак. Прилегающий участок не большой и не маленький – соток восемь, а вокруг участка зеленый заборчик из узких, закругленных на концах дощечек.

А к калитке уже спешила баба Маша, улыбаясь так широко, словно за воротами ее ждал Дед Мороз с огромным мешком подарков. Глядя на бабушку, я внезапно поразились, как сильно она похожа на папу – вернее, как сильно мой папа был похож на нее: те же карие, широко открытые, чуть наивные глаза, стремительный разлет бровей, густые волосы с заметной примесью седины... А поскольку я всегда считалась папиной копией, только женского пола, то выходило, что и я ужасно похожа на бабушку. Для своих семидесяти она выглядела очень молодо, и со стороны нас можно было принять за мать и дочь. На бабушке были брюки цвета хаки, длинная светлая футболка и китайские шлепанцы из полиуретана.

Вслед за ней бежал большой лохматый пес – гроза всякой мелкой живности, но добрейший по отношению к людям. Псу было лет пятнадцать. Меня он помнил едва ли, но тут же стал радостно облизывать мне руки, словно я была его старой доброй знакомой. Дяде Гене тоже досталось – Балбес без колебаний включил в круг своих друзей и его. Кусаться пес, похоже, не умел, но вид имел внушительный и лаял, если надо, очень грозно.

– Ну наконец-то! – весело воскликнула бабушка. – А я вас с утра уже жду. Все в окошко выглядываю, смотрю на дорогу – не показался ли кто?

Конечно же, мама предупредила ее о нашем приезде, позвонив на единственный, установленный в местном магазине городской телефон. В том, что мобильная связь в Нелидовке так и не работает, я уже успела убедиться – на дисплее вместо названия оператора высвечивалась удручающая надпись: «Поиск сети». Что поделать, низина... Где-то за деревней есть пригорок, поднявшись на который можно увидеть две-три линии индикатора связи. Надеюсь, карабкаться туда мне не понадобится, уж лучше договорюсь с продавщицей местного сельпо.

– Раньше никак не могли: пока позавтракали да пока собрались... – стал было оправдываться дядя Гена, но бабушка лишь махнула рукой.

– А Викуся-то все хорошеет! – ласково глядя на меня, промолвила она. – Красавица! И просто копия Бори...

Воспоминания об умершем сыне внезапно омрачили ее приветливое лицо, но она быстро справилась с собой.

В ответ я смущенно пролепетала:

– Здравствуй, бабуль! Вот, решила погостить у тебя недельку...

(Ох, нехорошо врать-то! Решила погостить, как же... Если бы не планы насчет Андрея, ноги б моей не было в Нелидовке!)

– А что же только на недельку? – заметно огорчилась бабуля. – Пожила бы подольше! Вон красота вокруг какая...

Я не успела ответить, потому что в этот момент в небе над дальней окраиной что-то полыхнуло, и почти сразу же прогремел гром. Повернув голову, я увидела большую черную тучу – казалось, она идет прямо на нас.

– Ой, сейчас дождь хлынет! – перепугалась я. – Дядь Ген, давай быстрее вещи выгружать.

Баба Маша спокойно посмотрела на почерневшее над дальней окраиной небо и перевела взгляд направо, где в данный момент ярко светило солнце.

– Не спеши, Геннадий, – беззаботно сказала она. – Не будет здесь никакого дождя. Дождь над левой окраиной идет, а наш дом стоит ближе к правой. Несколько часов солнца нам обеспечены.

Мы с дядей Генной изумленно уставились на нее. Что значит «не будет никакого дождя»? Вот же она, туча, почти что рядом! Еще пару минут – и хлынет такой ливень, что нитки

сухой на теле не оставит.

– Ну что вы так смотрите? Это же местная аномалия! Слышали, небось...

Я согласно закивала. Вот оно, то самое погодное явление, которым папа мечтал заинтересовать ученых! Впервые столкнувшийся с аномалией дядя Гена с интересом прищурил светло-серые, как у моей мамы, глаза.

– О чем это вы, Мария Степановна? Какая еще аномалия?

– Да наша, нелидовская! Погода здесь ведет себя странно, деревню словно на две части делит. Сегодня слева – дождь, справа – солнце, завтра, возможно, будет наоборот... А сразу над всей деревней ни дождю, ни солнцу вовек не быть!

– Ну вы и шутница! – немного помолчав, рассмеялся дядя Гена. – Здорово разыграли. Я чуть было не поверил...

– Да не шучу я вовсе, сам вскоре убедишься. Хочешь, поспорим, что дождя здесь не будет?

– Дядя Гена, бабушка правду говорит, – деликатно вмешалась я. – В Нелидовке действительно существует погодная аномалия. Как вернешься, спроси у мамы, она подтвердит.

Геннадий недоверчиво покачал головой:

– Почему же о вашей аномалии не снимают фильмы и не пишут в газетах? Почему ее не изучают ученые? Вы же не в глухой тайге живете, всего-то в двух с половиной часах езды от Москвы!

– А кто в Москву сообщит-то? – Бабушка демонстративно огляделась вокруг. – Кому здесь научные экспедиции нуж-

ны? Местные ведь как рассуждают: начнут тут чужие шагать, и вскоре ни ягод, ни грибов, ни рыбы не останется. А для нелидовцев дары природы – немалая прибавка к зарплате или пенсии. Если родственники к местным приезжают, так их тоже просят помалкивать. И правильно делают! Шибко говорливым кое-кто и отомстить может. Взять, к примеру, моего Борю... Как собрался в академию писать, тут же инфаркт схлопотал. Видит Бог, неспроста это!

С многозначительным выражением на лице бабушка решительно подхватила мою увесистую сумку и понесла в дом. Мы с дядей Геней остались вынимать пакеты с продуктами, заботливо и с избытком собранные мамой. Еды в них явно было не на неделю, а как минимум на месяц! Нагрузившись пакетами, вслед за бабушкой вошли в калитку.

На участке весело зеленели грядки, цвели бело-желтые цветочки, чуть в отдалении красовались ухоженные кусты смородины, росли деревца яблони и сливы. Мы с дядей восторженно переглянулись. Было в этой приусадебной растительности что-то теплое, родное, щемяще-ностальгическое, пробуждающее генную память далеких предков-земледельцев...

Пакеты сложили на террасе, которая в летнее время служила одновременно кухней и столовой. Мы с бабушкой, весело переговариваясь, взялись за готовку: разобрали продукты, отложив скоропортящиеся для обеда, нарезали овощи в салат, разогрели в микроволновке курицу, пожарили

на сковороде картошку. Все это время дядя Гена неспешно прохаживался по участку, рассеянно разглядывая растения на грядках и с интересом посматривая в сторону грозовой тучи. Над ним все так же светило солнце, дождя так и не было.

Наконец обед был готов. Все уселись за стол и быстро заработали челюстями. Утолив первый голод, расслабленно откинулись на спинки стульев.

– Что значит неспроста? – вспомнив оброненную бабушкой фразу, спросил дядя. – Вы кого-нибудь подозреваете?

– Может, и подозреваю, – уклончиво ответила бабуля, – да только доказать ничего не могу. Существуют вещи, которые... В общем, к делу их не пришьешь.

Дядя Гена задумчиво покрутил вилку, видимо решая, стоит ли продолжать начатую тему. Наконец спросил:

– Это какие же... вещи?

– Порчу, например.

Дядино лицо отразило недоумение, тут же сменившееся покровительственной усмешкой.

– Да ладно вам, Мария Степановна! Какая еще порча?! Пережитки это. А сердце у Бориса давно шалило, он и мне, и Ольге не раз жаловался...

– Ну, с тобой, Геннадий, все ясно, – досадливо пробурчала бабуля. – А ты, Вика, тоже в порчу не веришь?

В ответ я издала неопределенное мычание. Верю ли я в порчу, сглаз, проклятие, чтение мыслей, предсказание бу-

душего, летающие тарелки и прочую мистику? Может, и поверю, если столкнусь с этим лично! А чьи-то рассказы и так называемые свидетельства очевидцев меня ничуть не убеждают. Вокруг полно безудержных фантазеров и выдумщиков. В чем угодно присягнут, лишь бы в центре внимания оказаться! Взять хотя бы моего однокурсника Сашку Огарева. Его послушать, так он и с инопланетянами не раз сталкивался, и от снежного человека в лесу убегал, и привидений в старинном замке наблюдал. Только инопланетяне в Сашкиных рассказах то высокие, то низенькие, то зеленые, то лиловые, то модного оттенка «мокрый асфальт», снежный человек то женского, то мужского пола, а привидения ведут себя точь-в-точь как пьяные студенты на вечеринке... Короче, запутался человек в собственной лжи. А сколько еще на свете подобных Сашек, для которых главное – интерес в глазах окружающих!

– Да как сказать... – неопределенно пробормотала я. – Лично мне с порчей сталкиваться не доводилось, а у папы действительно было больное сердце.

– Значит, двое против одной... – еще больше насупилась бабушка. – Ладно... Может, и аномалию естественными причинами объясните?

Не желая ссориться с бабушкой, дядя Гена вновь взялся за еду, я же с умным видом изрекла:

– Естественное объяснение, конечно же, существует. Может, рельеф местности какой-то особенный или грунтовые

воды близко залегают... Да мало ли найдется причин для погодных отклонений! Но объяснение должны дать ученые, а вашей аномалией, кроме папы, никто всерьез не интересовался.

– Ну почему же никто, – усмехнулась бабушка. – Есть тут один... Сам из местных, но институт в Москве окончил. Другой бы за время учебы на москвичке женился и в столице обосновался, а этот чудак в деревню вернулся. Думаю, ненадолго. Теперь просиживает штаны в сельской библиотеке, газеты старые читает, какие-то пометки в блокноте делает. Прасковья, бабка его, говорит, что внук диссертацию пишет. Может, и вправду пишет, раз заняться больше нечем... Москва его испортила. Девками нашими брезгует, не нравятся они ему. В городе-то девки худые и длинные, как ты, а наши все больше пухлые да невысокие. С ребятами тоже общаться перестал. Верно, думает опять в город податься.

– А сам-то он ничего? Симпатичный? – с невольным интересом спросила я.

– Смотря на чей вкус... – пожала плечами баба Маша. – Тебе вряд ли понравится.

– Это почему же?

– Рыжий он. А ты, я слышала, блондинов любишь...

Услышав столь явный намек на Андрея, я слегка покраснела. Интересно, как много мама успела ей рассказать? Надеюсь, она не рассказала бабушке все (ну, о наших планах по женитьбе Андрея...). Лично я не вижу в них ничего осо-

бенного, но со стороны они могут показаться... не совсем честными, что ли. Что поделаться, такова жизнь! Не схитришь, так и замуж за милого не выйдешь. Но бабушке об этом знать не обязательно, поэтому лучше замнем про блондина и вернемся к рыжему. Точнее, к предмету его исследования, поскольку этот предмет меня всерьез заинтересовал. Возможно, во мне пробудились отцовские гены, отвечающие за тягу ко всему таинственному и непознанному...

– И что? Близок он к разгадке аномалии?

– Не думаю... – многозначительно ухмыльнулась баба Маша. – Не там копает!

– А где надо копать? – с любопытством спросила я.

– Местных колдунов да ведьмочек надо потряхнуть, – жестко ответила бабушка. – Заполонили деревню, как мыши худой амбар. Порчу на людей наводят, сводничеством занимаются, бесовские шабаша в лесу устраивают... Вот тебе и погодные катаклизмы! Смотри, как над левой окраиной молнии полыхают. Аккурат над Ивановым домом! Одно зло притягивается к другому. У простого человека давно бы изба вспыхнула, а Иванов дом стоит себе целехонек. Зло – оно своих не трогает.

Дядя Гена слушал бабушку с вежливой улыбкой, но слегка опущенные уголки губ выдавали его скептический настрой. Бросив в его сторону внимательный взгляд, бабуля внезапно перевела разговор в другую область.

– А как Ольга? – спросила она нас с дядей. – Замуж не со-

бирается?

– Нет, не собирается, – уверенно ответил дядя. – Работает много, некогда о личной жизни думать.

– Жаль, – протянула бабуля. – Женщина она молодая, вполне могла бы найти себе мужа. Бориса с того света не вернуть, дочка вон уже невеста, скоро собственную семью заведет... Пора бы Ольге и о себе подумать.

Слова о «собственной семье» побудили меня к очередному взлету фантазии. Мысли воспарили далеко-далеко от обеденного стола, туда, где в огромном зале играла веселая музыка и кружились в свадебном вальсе жених и невеста. Жених был высок, строен и белокур, а невеста... Да что там говорить – невеста была просто красавицей! Белое платье колыхалось в такт мелодии, фата порхала в кружении стремительного вальса. Многочисленные гости с восхищением смотрели на танцующую пару. И лишь одна гостья была грустна, так грустна, что красавице невесте (то есть мне) было ее немножко жаль. «Я победила, – думала невеста, глядя в голубые глаза жениха. – Я победила, он мой. Ты проиграла, Света!»

– Вика, Геннадий уезжает! – донесся откуда-то издалека голос бабы Маши.

Дядя Гена уезжает? Куда это он? Ах да, в Москву...

Оборвав приятные грезы, я нехотя встала из-за стола. Вместе с бабушкой мы проводили дядю Гену до машины, поцеловали в щечку и пожелали счастливого пути. Спустя па-

ру минут «девятка» исчезла за поворотом. Баба Маша вернулась в дом, а я задержалась на улице и огляделась.

Не стану отрицать, Нелидовка по-своему красива! Вереница аккуратных одноэтажных домов под черепичными крышами (двухэтажное только здание деревенского клуба), яркие цветы в палисадниках, зеленое буйство яблонь, слив и вишен в садах... Единственная улица кажется прямой, как стрела. За деревенскими дворами простираются поля, за полями начинаются леса. С нашей стороны лес светлый, смешанный, мягко обрывающийся у берега реки, а с противоположной стороны – темный, густой, еловый.

Гроза над дальней окраиной уже отгремела, но небо в том краю еще оставалось пасмурным. Над нашей половиной села по-прежнему светило солнце.

«Завтра с утра займусь аномалией, – твердо решила я. – Иначе умру здесь от скуки!»

Возможно, мое решение было ошибкой, возможно, нет. В любом случае оно изменило мою судьбу. Если бы не оно, все могло бы быть по-другому. Я стояла не просто на деревенской улице, я стояла на развилке собственной судьбы, но, как водится, ничего об этом не знала, а вокруг не было ни одного предупреждающего знака со словами: «Осторожно, развилка!»

Среди ночи я проснулась от громкого стука: полуоткрытое окно внезапно захлопнуло мощным порывом ветра. Отбросив тонкое шерстяное одеяло, я подошла к окну. Пого-

да снаружи резко испортилась. Сильный ветер, протяжно и жутко завывая, гнул в саду деревья, бил по стенам деревянными ставнями окон, дребезжал железной защелкой калитки. Справа по небу со стороны леса стремительно неслись черные облака, в разрывах облаков мелькала слепяще-белая луна, отбрасывавшая нестойкие тени на стоящие напротив дома. А за задними заборами приусадебных участков, возле самого леса, плавно перемещалось нечто округлое или овальное, светящееся тусклым красноватым светом.

Обалдело щурясь и хлопая припухшими от сна веками, я не верила собственным глазам.

Что это? Откуда? Как такое возможно?

Разом вспомнились экранные страшилки из разряда «монстры-убийцы»: нечто просачивается сквозь стены, убивает безмятежно спящих людей, а тех, кто пытается бежать, настигает и тоже убивает...

Похолодев от ужаса, я часто-часто застучала зубами. Хотелось истошно заорать, распахнуть окно с отчаянным криком: «Люди, проснитесь, спасайтесь, кто может!» Желание почему-то не перешло в действие. Я все так же стояла у окна и, как замороженная, наблюдала за объектом. Светящееся нечто довольно sporo двигалось от леса к деревне и через несколько минут полностью скрылось за домами напротив. Обливаясь холодным липким потом, я со страхом ждала его появления уже на дороге, прямо за нашим забором, но объект больше не показывался. Прошло еще пять, десять

минут... Объект словно в воду канул. Может, и не было ничего? Так, показалось...

Утром, после недолгих колебаний, я рассказала о светящемся объекте бабушке.

– Знаешь, бабуль, тут ночью в поле что-то перемещалось. Такое округлое, светящееся... Оно двигалось от хвойного леса, пересекло поле, добралось до деревни, а потом куда-то сгнуло.

Баба Маша жарила к завтраку блинчики сразу на двух сковородках. Выслушав меня, она уверенно произнесла:

– Кто-то из здешних колдунов шалит, облик свой меняет.оборотень, одним словом...

– оборотень? – усомнилась я.

– Он самый, – с серьезным видом подтвердила бабушка.

Немного подумав, я протестующе замотала головой:

– Что-то ты путаешь, бабуля, оборотни совсем не такие! оборотень – это когда днем обычный человек, а ночью – волк, а тот объект как-то мало походил на волка.

Сняв со сковородки очередной румяный блинчик, бабушка повернулась ко мне:

– Почему как оборотень, так обязательно волк? оборотни разные бывают. Может, волки теперь не в моде?

Я заинтересованно подалась вперед:

– А ты сама того оборотня видела?

– Ну, видела пару раз... в темноте, издалека. Испугалась, помню, жутко.

Вылив на сковородку новую порцию теста, бабушка продолжила:

– Смотрю, плывет себе по полю красный светящийся шар. Плавно так, бесшумно, словно привидение...

– Так может, это и было привидение? – внезапно озарило меня.

Но бабушке моя версия не понравилась.

– Привидение? Из хвойного леса? – усмехнулась она. – А что несчастному привидению в том лесу делать? Кладбище-то совсем с другой стороны!

– Ну, баб Маш, это же классика! Привидения бродят не там, где похоронены, а там, где их когда-то уколошили. Вспомни, в том лесу насильственных смертей не было? Может, убили кого?

Не прерывая несложный процесс жарки блинов, бабушка задумалась. Горка румяных блинчиков все росла, пробуждая во мне просто зверский аппетит. Внезапно половник с тестом застыл над шипящей сковородой.

– А ведь точно, убили! Женщину в лесу застрелили, только очень давно, лет двадцать назад...

– Вот видишь, все складывается! – воскликнула я. – Душа той женщины бродит по ночам, убийцу ищет...

Перехватив половник левой рукой, бабушка быстро перекрестилась.

– Хватит болтать! – твердо сказала она. – Садись-ка завтракать!

– А чем мы потом займемся? – спросила я. – Может, мне грядки полить?

Бабуля замотала головой:

– Какие еще грядки?! Ты сюда что, работать приехала? В институте своем за год умоталась, теперь отдыхай. Хочешь – почитай в беседке, хочешь – на речке позагорай. Только в лес дальше опушки не ходи, там болота.

Позавтракав, я собралась почитать в беседке, но вовремя вспомнила о вчерашнем решении изучать аномалию. А вспомнив, вмиг почувствовала охотничий азарт. Нечего баклуши бить! Пора наконец разобраться с этим делом. Времени у меня – от силы неделя. Так не будем его терять, покажем им всем, кто такая Вика Ельцова!

Глава четвертая. Егор

Облачившись в белые бриджи и голубой топ, я медленно побрела по деревне. Минут через десять добрела до места, где дорога заметно расширялась, образуя нечто вроде миниатюрной площади. На «площади» расположился нелидовский торгово-культурный центр: с одной стороны – бревенчатый одноэтажный магазин, напротив – двухэтажное кирпичное здание сельского клуба.

Остановившись на «площади», я огляделась. Клуб выглядел пустым. В магазин по одному тянулись селяне, в основном женщины в возрасте, но были и мужчины, и даже дети. Проходя мимо меня, все как один здоровались. Решив, что таков здешний обычай, я начала здороваться с ними первой и тут же получила щелчок за проявленную инициативу. Угрюмый дед с горбатым носом и длинными седыми патлами напрочь проигнорировал мое приветствие, лишь недобро зыркнул жгучими черными глазами. Пока я мысленно ругала невоспитанного деда, какая-то женщина лубочно-фольклорного вида (распущенные русые локоны, красный ободок на лбу, вышитая светлая одежда до пят) расплылась передо мной в улыбке, показавшейся мне не вполне искренней.

– Здравствуйте! Вы, случайно, не внучка Марии Степановны?

– Да, внучка, – забыв от удивления поздороваться, под-

твердила я.

Незнакомка откровенно меня разглядывала. Я решила ответить ей тем же. Что ж, довольно симпатичная! Зеленоглазая, с маленьким аккуратным носиком и пухлыми губками. Правда, овал лица уже немного поплыл. Сколько ей – тридцать, тридцать пять?

– То-то я гляжу: вылитая Мария, только лет на пятьдесят моложе! – весело воскликнула она и добавила: – Что-то вы бабушку редко навещаете.

Смутившись, я быстро забормотала о своей невероятной загруженности в институте и полном отсутствии свободного времени. Слушая меня, женщина продолжала улыбаться. Создавалось впечатление, что ее улыбка вовсе не связана со мной, а существует сама по себе, как надетая на лицо карнавальная маска.

– Вы сюда надолго? – вновь поинтересовалась она.

– Ну, может быть, на неделю... – не совсем уверенно ответила я, подумав, что и пяти дней без Андрея не выдержу.

– Что ж, человек предполагает, а Бог располагает, – глубокомысленно заметила собеседница. – Кстати, давайте познакомимся. Меня Татьяной зовут, а вас?

– Виктория, – с достоинством ответила я.

Татьяна остро взглянула на меня:

– Виктория? Красивое имя. А можно называть вас просто Викой?

– Можно.

– Заходите-ка ко мне вечером, Вика. Чайку попьем, побеседуем. А потом я вам на картах погадаю.

– А у вас обычные карты или Таро? – тут же заинтересовалась я.

Мне вдруг ужасно захотелось погадать на Андрея. Плохих предсказаний я не боялась, я в них просто не верила. Гадание всегда было для меня игрой – забавной, увлекательной, никак не связанной с жизнью. Помню, как в старших классах мы со Светкой гадали на парней. Одна загадывала – любит или не любит, другая раскладывала пасьянс. Почти всегда получалось, что любит, а если что-то вдруг не складывалось, достаточно было снова раскинуть карты: нехитрый пасьянс сходилась в четырех случаях из пяти. Со Светкой мы больше, увы, не дружим. Пасьянсы тоже остались в прошлом...

Короче, предложение Татьяны пришлось весьма кстати. Погадать на Андрея! Что может быть заманчивее? Я, конечно, знаю, что впереди нас ждет пышная свадьба, но так приятно услышать это из уст гадалки!

– Могу и на Таро погадать, и на обычных – любые карты не лгут! – произнесла собеседница. – Гадание у нас наследственное. И мать моя гадала, и бабка, и прабабка. Так что всю правду вам скажу. Но... – тут Татьяна слегка замялась. – Если правды боитесь, лучше не гадайте! Лучше мы просто чайку травяного попьем, поболтаем о том о сем... А гадание – оно, знаете ли, для отчаянных. Или отчаявшихся...

– Ничего я не боюсь, – поспешно заявила я. – И к вам

сегодня обязательно загляну. Если, конечно, адресок дадите.

– Да какие тут в Нелидовке адреса! Вон мой дом – зеленый с коричневой крышей. А номер у него – сорок второй. Запомнили?

– Угу, – кивнула я.

– Ну, тогда, деточка, до встречи!

И Татьяна степенно поплыла по улице – вся такая светлая, возвышенная, как из доброй русской сказки. Голова гордо поднята, русые волосы вольно раскинулись по плечам, светлая юбка обтягивает крепкие округлые ягодицы... Ей бы в кино сниматься, в роли матери какого-нибудь юного царевича. Можно сказать, готовый кинематографический образ! Впечатление несколько портил пакет с продуктами в руке.

Оставшись одна, я вернулась к главной цели своей прогулки. Хватит прохлаждаться без дела, начинаем изучать аномалию! Я сейчас нахожусь в самом центре деревни. Мне тепло, но не жарко. Дождя нет. Ветер почти не ощущается. А что сейчас на небе?

Я подняла лицо вверх и застыла в восхищении. Вот это да! Жаль, что я не художница и не могу запечатлеть увиденное на холсте. Картина получилась бы просто класс! Назвать бы ее как-нибудь авангардно – к примеру, «Сгущение напряженности» или «Рассеивание вечной тьмы» – и выставить на вернисаже в Измайлово... С руками бы оторвали.

Счастливые люди художники! Все краски мира у них в руках. Увидел, написал, а дальше – смотри на свое произведе-

ние да радуйся! А у меня не то что красок, у меня и слов-то не хватает. Хочу сказать красиво, возвышенно, а получается все как-то буднично, банально, схематично...

В общем, так... Я стою на «центральной площади», задрываю голову и неспешно озираю небосклон. Прямо надо мной – легкие кружевные облака, впереди начинается то самое «сгущение», а позади, соответственно, происходит «рассеивание». Проще говоря, облачность над деревней в одном направлении постепенно сгущается, в результате почти полдеревни погружено в тень, зато в другом направлении (откуда я только что пришла) плавно рассеивается. Над домом бабушки облаков уже нет, над ним царит глубокая, чистая синева, и дальше, за окраиной – тоже синева, лишь далеко за Нелидовкой снова видна облачность.

Повернувшись лицом к «сгущению», я отметила в нем некую несимметричность. Плотная облачность накрывала не только дальний конец деревни, но и расположенный справа хвойный лес, а над смешанным лесом (которой был виден слева) она почему-то размылась, развалилась на кучки темноватых облаков.

Так что же получается? Нелидовская аномалия захватывает не только саму деревню, но и прилегающий хвойный лес? Очень интересный факт! Но что он мне дает? Пока не знаю. И что дальше делать, тоже не знаю. Надо бы план какой-нибудь составить. Да и присесть, вообще-то, не помешало бы, утомилась я что-то...

Решив передохнуть, я вновь оглядела «центральную площадь». Ну, в магазине лавочек точно нет, а вот в клубе... В клубе должны быть стулья, но клуб, к несчастью, закрыт на замок. Зато рядом с закрытым входом в клуб оказалась еще одна дверь, ничем не примечательная, разве что прикрепленной на ней беленькой табличкой с надписью: «Библиотека». Секунду поколебавшись, я направилась к этой двери и потянула ее на себя. Дверь легко поддалась, и я шагнула в чистенькую, светлую продолговатую комнату размером с небольшую студенческую аудиторию.

Вдоль противоположной глухой стены тянулись многоярусные стеллажи с книгами. Справа от меня, возле окон, стояло несколько журнальных столиков с разложенной на них периодикой. Напротив входной двери торцом расположился старый письменный стол, увенчанный самодельным ящичком для хранения читательских карточек. Далее в ряд с небольшими промежутками стояли еще три письменных стола с допотопными настольными лампами на них. За последним от входа столом сидел парень лет двадцати трех – двадцати пяти и выжидательно смотрел на меня. Перед ним лежала стопка пожелтевших газет; поверх газет я заметила блокнот и шариковую ручку. Других читателей в столь ранний час в помещении не наблюдалось.

Я тут же смекнула, что парень и есть местное ученое светило, главный и единственный исследователь нелидовской аномалии. Впрочем, теперь уже не единственный...

Внешность «светила» меня, мягко говоря, разочаровала. Парень действительно оказался рыжим. Не из тех рыжих, чьи волосы по цвету приближаются к каштановым или светло-русым, а интенсивного медного цвета. Такими же рыжими, только на полтона темнее, оказались брови и полоска усов над верхней губой. Его кожа, вероятно очень светлая от природы, обгорев на солнце, приобрела розовато-красный оттенок, что в моих глазах отнюдь не добавило ему привлекательности. Увы, рыжие – не мой тип! Не нравятся они мне. Что поделать, такой уж у меня вкус!

«Вика, какое тебе дело до масти этого парня? – одернула я себя. – Ты невеста Андрея, и этим все сказано! Тебе отныне что рыжие, что белокурые, что черноволосые... С другими мужчинами у тебя теперь могут быть только приятельские отношения или вообще никаких!»

– Что же вы встали на пороге? Заходите смелее! – приветливо сказал рыжий. – Посмотрите пока журналы – тут совсем свежие есть. А Надежда Федоровна скоро подойдет.

Я сухо кивнула, приблизилась к столику с периодикой и стала листать «Космополитен». И вправду свежий номер! Рядом июньский «Караван историй», майская «Лиза»... На соседнем столике толстый журнал по интерьерам – неужели и его здесь кто-то читает? Ладно, пора завязывать с журналами. Надо бы со «светилом» пообщаться!

Оторвавшись от журналов, я вновь взглянула на парня:
– Так это вы нелидовский феномен изучаете?

– Я, – удивленно ответил он. – А как вы узнали?

– Бабушка сказала.

Парень внимательно посмотрел на меня, потом вдруг выдал:

– А ваша бабушка, случайно, не Мария Степановна?

Надо же, какой догадливый! Только малость опоздал. Благодаря Татьяне я уже знаю, что наше с бабушкой сходство буквально бросается в глаза. Так что пусть поищет другую возможность произвести впечатление!

– Вы очень прозорливы, – сказала я весьма едким тоном. – Но вы не один такой. Меня тут буквально на каждом шагу спрашивают, не внучка ли я Марии Степановны.

– Ой-ой-ой, сколько сарказма! – покачал головой парень и, потеряв ко мне всякий интерес, уткнулся в свои газеты.

Я с независимым видом прошлась по залу, достала с полок несколько книг, механически полистала, вернула обратно, вновь подошла к столику с периодикой. Все это время я искоса наблюдала за парнем. Казалось, он не обращает на мои передвижения ни малейшего внимания: сверху до низу пробегает глазами газетные листы, задерживает взгляд на отдельных статьях, делает какие-то пометки в блокноте... В общем, ведет себя так, словно меня в помещении и вовсе нет. Надо же, какой гордый! Строит из себя аристократа, а сам рыжий, с обгоревшей физиономией, явно самого что ни на есть крестьянского происхождения... Я, конечно, тоже не царских кровей, но все же «столичная штучка». Да и что

я такого сказала? На что обижаться-то? Пора прервать эту игру в молчанку!

– И что вы думаете о причинах нелидовской аномалии? – с умным видом спросила я. – Откуда она, по-вашему, взялась?

Парень вновь поднял голову и улыбнулся. Светло-карие, почти желтые глаза добродушно прищурились. Похоже, он и не обижался вовсе, а так, делал вид...

– Наиболее вероятная причина, – охотно заговорил он, – глубинные разломы земной коры. В местах таких разломов обычно скапливаются грунтовые воды. Большие подземные водоемы, в свою очередь, вызывают искажение магнитных полей у самой поверхности земли. В результате на поверхности формируются два разноименных магнитных полюса, которые и определяют местную розу ветров.

– Значит, все естественно, никакой мистики? – разочарованно пробормотала я.

– А при чем здесь мистика? – удивленно спросил рыжий, потом вдруг демонстративно шлепнул себя пальцами по лбу: – Простите, забыл, чья вы внучка! Похоже, Мария Степановна уже успела обратить вас в свою веру. Зачем искать какие-то подземные разломы, когда можно собрать всех ведьм в округе да сжечь!

Теперь уже обиделась я. Да что он себе позволяет?! Нахал, деревенщина! Ученым себя вообразил... Да как он смеет насмеяться над моей бабулей?!

Я метнула в парня испепеляющий взгляд:

– Вы что-то перепутали, молодой человек. Ничего подобного моя бабушка не предлагала.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал рыжий. – Не сжечь, а предать анафеме, заклеить позором... Суть-то от этого не меняется.

Как сказать... По-моему, очень даже меняется. Одно дело – сжечь, другое – заклеить позором! В любом случае столь резкая оценка бабушкиной позиции показалась мне странной.

– А сами-то вы как к колдунам относитесь? – настороженно спросила я.

– Так же, как все образованные люди. Никакого колдовства не существует! Есть знатоки народной медицины, но колдовства в их действиях, сами понимаете, ни на грош. Еще есть умелые манипуляторы людским сознанием и левоверные простаки. Чаще, конечно, простушки. Но даже если допустить существование колдовства, оно здесь абсолютно ни при чем. Местной аномалии никак не меньше ста лет, и это легко доказать. В библиотеке сохранилось несколько газет, изданных еще до революции, – например, газета тысяча девятьсот второго года. И, представьте, в ней упоминается о нелидовской аномалии! Я, кстати, сделал ксерокопию той статьи...

Полистав блокнот, он выудил оттуда сложенный вдвое лист бумаги.

– Вот она! Читайте там, где подчеркнuto.

Чтобы прочесть статью, мне пришлось подойти к парню почти вплотную. К моему удивлению, от него пахло вполне приятно, каким-то импортным одеколоном с ненавязчивым горьковато-мускусным запахом. За одеколон я поставила парню маленький плюсик. Живет в такой глухомани, где даже мобильная связь не работает, а не опустил, не махнул рукой на гигиену! Слегка наклонившись, я прочла подчеркнутый красным фломастером текст (грамматику тех времен в виде твердых знаков и «ятей», естественно, опускаю).

«Много в мещерских лесах лосей и кабанов, встречается и косуля, и пятнистый олень... Знатная была бы охота, если бы не опасные топи в здешних лесах. Как-то по осени, обходя болота, набрел я на деревню Нелидовку. С виду – обычная деревенька, около сотни домов, но есть в ней некая странность. Солнце, в какой момент ни возьми, освещает ее лишь наполовину! Поспрашивал я у местных, а они мне в ответ: «У нас в Нелидовке завсегда так было! И при дедах наших, и при прадедах...».

– Ну, что скажете?

– Похоже, об аномалии написано, – неохотно признала я.

– Конечно, об аномалии! Выходит, феномен существовал уже тогда, когда нынешних колдунов и ведьм еще на свете не было. И следовательно, к аномалии они никак не причастны. Ну что, убедил?

Убедить-то убедил, но мне вдруг захотелось поспорить.

Взыграл дух противоречия! «Светило» чувствовало себя победителем, и это почему-то злило. Исключительно назло рыжему я решила защищать бабушкину позицию. Попыталась отыскать контраргументы, и они, как ни странно, нашлись.

– А вам не приходило в голову, – вернувшись к журнальным столикам, елеёным голосом спросила я, – что у здешних колдунов и ведьм предки тоже колдовством занимались? Говорят, у колдунов династии покруче цирковых! Так, может, свое влияние на погоду они по наследству передают?

Парень, похоже, растерялся. Довольная победой, я рвалась в бой:

– Как видите, это ваше доказательство не так уж убедительно! Может, у вас есть другое?

Он ответил не сразу. Почесал затылок – видимо, решая, стоит ли продолжать беседу с самоуверенной москвичкой, или послать ее куда подальше... Потом, улыбнувшись, произнес:

– Есть, но вас оно вряд ли убедит. Мою бабушку зовут Прасковья Ивановна, ее тут почему-то считают колдуньей... Темные люди! Уж я-то свою бабулю знаю. К странностям погоды она точно непричастна.

– Ваша бабушка – колдунья?! – искренне удивилась я. Рыжий укоризненно покачал головой:

– Ну что вы так смотрите? Рожек на голове у меня нет. Да и бабуля моя вовсе не колдунья, а ведунья. Поверьте, в ведовстве нет ничего противоестественного и уж тем бо-

лее предосудительного. Бабушка всякие хвори лечит не хуже больничных врачей. Целебные сборы из трав готовить умеет, заговоры разные знает. Грыжу за три дня так заговорит, что и следа не останется. Тут у женщины рак запущенный нашли... Врачи лечить отказались, сказали, месяц-два – и конец, а бабушка взялась. Так та женщина еще пять лет жила. Скажете, чудо? Вовсе нет. Тут в знаниях дело. Просто бабушка знает то, чего почему-то не знают наши врачи. А вообще-то она – совершенно обычный человек и от здешней аномальной погоды никакой радости не испытывает.

– Вот, значит, как, – уставившись на парня, многозначительно промолвила я.

Чудной, однако ж, паренек! В колдовство не верит, а родная бабка – ведьма! Хоть ведуньей ее назови, хоть знахаркой... Интересно, каково это – быть внуком ведьмы? Может, он и сам немножко... того? Гены, знаете ли... С другой стороны, будь он сам ведьмак, зачем ему подземными разломами да магнитными полями заниматься? Вел бы себе прием населения, бабки бы хорошие зашибал... Не передалось ему, видно. Возможно, у них в роду колдовство только по женской линии...

– Кстати, меня Егором зовут, – вновь улыбнулся рыжий.

– А я – Виктория! – гордо сообщила я (пусть знает, что имеет дело с победительницей!).

– Вика, значит... – улыбнулся он.

– Гоша, значит, – передразнила я парня.

– Можно и Гошей, но лучше все-таки Егором. Мне так больше нравится. И может, перейдем на «ты»?

– Хорошо, давай на «ты», – охотно согласилась я и уселась на соседний стол (все достоинства моей фигуры парень уже разглядел, теперь можно дать отдых усталым ногам). Его лицо оказалось довольно близко от меня.

У рыжего были густые и жесткие на вид брови, по-детски пушистые ресницы, гладкая сухая кожа и резко очерченный нос, который я тут же окрестила «орлиным». Еще я разглядела розоватый шрам на подбородке, трещинки на нижней губе, коричневатые разводы в прозрачной желтизне глаз... Мне тут же вспомнились голубые глаза Андрея – вот если бы сейчас за соседним столом сидел он!

– Ты сюда надолго, Вика?

– Максимум на неделю, – все еще думая о женихе, мрачно ответила я. (Где ты сейчас, Андрей? Чем занят? Может, спишь еще? А если не спишь, то вспоминаешь ли обо мне?)

– Чем займешься? Будешь бабушке по огороду помогать?

Я отрицательно мотнула головой:

– Нет, она меня до огорода не допускает. Считает, что «ребенок» должен отдыхать. Вот только отдыхать тут очень скучно. Не привыкла я к такому отдыху – мне б куда-нибудь на море, под пальмы! А здесь что? Малюсенькая речка да лес, в котором одни болота. Разве ж это отдых?..

– Чего ж ты подалась сюда, а не под пальмы? Финансы подкачали?

Я молча усмехнулась. При чем тут вообще финансы! Я здесь потому, что так надо, потому что я клею Андрея, известного в институте плейбоя.

– А ты, говорят, диссертацию пишешь? – меняя тему, спросила я.

Парень отчего-то смутился.

– Ну, в общем, да, пишу... Вряд ли тебе это будет интересно.

– Просто я вот что подумала... Бабушке моя помощь не нужна... Так может, я тебе помогу?

– Ты? Мне? – опешил он. – И чем же ты мне можешь помочь?

– Я знаю, как пишутся диссертации, – гордо заявила я. – Двоюродный брат кандидатскую писал, он и ввел меня в курс дела. У него там была одна глава, где абсолютно все точки зрения о предмете исследования в хронологическом порядке излагались. Даже самые невероятные, самые спорные... Вот ты намерен от колдунов в деревне отмахнуться. А стоит ли? Ну-ка, скажи, сколько их тут у вас?

Егор на минуту задумался. Что-то бормоча про себя, он слегка загибал свои длинные, жилистые пальцы.

– Пятеро! – твердо заявил он. – Бабушку я, естественно, не считаю – не колдунья она, обычная знахарка. А вот остальные, – он иронически хмыкнул, – вроде как с нечистой силой знают. Местные старожилы в этом просто уверены.

– Пятеро на одну деревню?! – удивленно воскликнула я. –

И это не считая твоей бабушки?!

– А что тут такого?

– Как это – что? Удивляешь ты меня, Егор! Много ты видел деревень, в которых постоянно проживало бы как минимум пятеро... э-э-э... людей с необычными способностями?

Он как-то по-новому глянул на меня. С уважением глянул – надо же, девица-то городская не полной идиоткой оказалась! Вот только взгляд его желтый (или все-таки светло-карий?) не засветился, не загорелся. Не было в этом парне азарта, хоть тресни. Прагматик, стопроцентный прагматик!

– Пожалуй, кое в чем ты права, – неохотно признал он. – Колдуны и ведьмы, возможно, связаны с аномалией, только связь тут не прямая, а обратная. Все с точностью до наоборот – не люди влияют на здешнюю погоду, а погода на людей. Точнее, не сама погода, а некий фактор, который делает здешнюю погоду. Именно он пробуждает у населения аномальные способности, если таковые реально существуют!

– Ну, что на что влияет, мы еще посмотрим... – уклончиво пробормотала я. – Так ты берешь меня в помощники?

– Ладно, беру, – без энтузиазма произнес он.

Что ж, в этом я его понимала. Чего уж тут не понять! Материал уже собран, акценты расставлены. Осталось только изложить все грамотно да рецензентам отдать – и готов новопеченный кандидат наук! А тут совершенно некстати открылись новые обстоятельства... И отмахнуться неудобно, и возиться ой как не хочется.

– Предлагаю следующий план действий! – не давая ему передумать, затараторила я. – Ты спокойно занимаешься своими разломами, а я параллельно изучаю местных чародеев. Результат исследований принесу тебе на блюдечке.

– С голубой каемочкой? – вымученно улыбнулся он, показав ровные, как бетонная стена, зубы.

– С какой еще каемочкой? – не поняла я.

Он лишь махнул рукой.

– Ладно, работай. Но у меня есть одно условие. Изучай тут кого хочешь, а бабулю мою, Прасковью Ивановну, оставь в покое! Обещаешь?

– Обещаю, – с самым честным видом ответила я. – Спи-сочек-то чародеев напиши! Как зовут и номер дома... Ну, чтоб случайно не ошибиться.

Склонив медно-рыжую голову, он набросал несколько строк в блокноте, вырвал оттуда лист и протянул мне. Я плотоядно уставилась в список. То что надо! Пять домов, пять имен. А вот и моя недавняя знакомая, Татьяна! С ней я увижусь уже сегодня, разведу все, что можно, заодно и на Андрея погадаю. Совмещу, так сказать, приятное с полезным!

Дверь с улицы внезапно отворилась, и в помещение вошла полноватая невысокая женщина лет пятидесяти. Пучок седеющих волос на затылке, очки в простенькой пластмассовой оправе... Тут и гадать не надо, сразу видно – библиотекарша!

– А вот и Надежда Федоровна, – с непонятным облегчени-

ем промолвил Егор. – Тут к вам девушка за книжками пришла!

Женщина вопросительно взглянула на меня. Сильные линзы очков заметно уменьшали ее неопределенного цвета глаза.

– Здравствуйте! – прощebetала я, спешно прикидывая, что бы такое попросить. Книги я брать не собиралась, но просто уйти было неудобно. – Дайте мне, пожалуйста... что-нибудь по колдовству!

– По колдовству?!

Несколько секунд она растерянно моргала, затем быстро подошла к стеллажам и стала что-то искать.

– Вот, возьмите это.

Она протянула мне небольшую книжку в твердом бежевом переплете.

Я взяла книжку, расписалась в каком-то формуляре и, невнятно попрощавшись, направилась к двери. На секунду задержалась у порога, бросила вопросительный взгляд на Егора и, толкнув дверь, вышла на улицу.

На душе было как-то непонятно. Все вроде бы получилось: Егора я уломала, список колдунов у меня в кармане... Но не было чувства удовлетворения. А все почему? Да потому, что этот рыжий совершенно мной не заинтересовался.

Пусть я уже невеста и без пяти минут жена, но он-то об этом не знает! Мог бы и пригласить одинокую девушку, к тому же свою добровольную помощницу, вечером на дис-

котеку. Ну хотя бы просто погулять – кусок бы не отвалился! Я же знаю, что никакой зазнобы у него нет (спасибо бабушке, просветила, что нелидовские девки ему не нравятся). Так чем я-то не хороша? Вроде бы вполне привлекательная: глаза-застая, стройная, длинноногая. Для такого, как этот рыжий, даже слишком привлекательная. А ему хоть бы что! Может быть, у него проблемы с ориентацией?

Глава пятая. Татьяна

Вернувшись с прогулки, я застала бабушку на грядке с петрушкой. Моя жалкая попытка поспособствовать борьбе с сорняками была с ходу пресечена. Со словами «Тут и одной-то делать нечего!» меня заботливо отправили отдыхать, и я с чистой совестью устроилась в маленькой беседке за домом. Там было безветренно и довольно уютно, но сильно доносили голодные комары. Тщательно обрызгав себя и беседку «Москитолом», я наконец-то вздохнула свободно и занялась взятой из библиотеки книгой.

Книга оказалась недавно изданной, в глянцевом ламинированном переплете, со встрепанной глазастой ведьмой на обложке. Вопреки моим опасениям, она была написана легким и понятным языком, и я с интересом погрузилась в чтение. Часа через два отложила книгу в сторону и попыталась осмыслить прочитанное.

Если верить двум разнополюм авторам этого бестселлера, существование в природе магии и колдовства является само собой разумеющимся, более того, магические воздействия встречаются буквально на каждом шагу. Достаточно человеку плохо о ком-то подумать, пожелать кому-то «провалиться» или «сдохнуть», даже просто позавидовать удачливому соседу, как вступает в действие незримая магия дистанционных энергетических воздействий. Результатом подобных

воздействий являются известные всем сглаз и порча. А поскольку все мы нынче не ангелы и привыкли думать о ближних и дальних далеко не лучшим образом, то сглаз и порча – наши постоянные спутники, вернее, являлись бы таковыми, если б энергетика большинства людей не была такой рыхлой, а умение концентрироваться – таким слабым.

Что касается колдунов и ведьм, которых в книге на западный манер называли магами, то они не так уж резко отличаются от прочих граждан. Ну, разве что более мощной энергетикой и лучшей способностью к концентрации, а еще, что, впрочем, присутствует далеко не у всех представителей данного племени, возможностью сверхчувственного восприятия (например, чтения мыслей, видения через стену, предсказания будущего). Различие между белой и черной магией оказалось и вовсе условным. Творишь «добро» – называешься белым, плодишь «зло» – именуешься черным, а если так, попеременно, то серым. А если учесть, что «добро» и «зло» понятия во многом субъективные, и если у кого-то прибыло, то у кого-то обязательно убыло, то опять же непонятно, существуют ли чисто белые маги, или все как минимум серые?

Своим читателям авторы советовали держать под контролем собственные мысли и желать другим исключительно добра. Глупее совета в жизни не встречала! Во-первых, мысли вовсе не поддаются контролю. Попробуйте ни о чем не думать хотя бы пять минут, и увидите, что будет! А во-вторых, желать добра следует исключительно хорошим людям, и ни

в коем случае – подонкам, насильникам и убийцам. Иначе что же получится? Они нас грабят, убивают, а мы им – счастья и успеха? Нет, тут я с авторами решительно не согласна!

Во второй части книги описывались упражнения, якобы повышающие энергетику и усиливающие концентрацию внимания (я тут же выполнила одно, но никакого прилива энергии, естественно, не ощутила), приводилось толкование снов, показавшееся мне слишком уж примитивным, и давались различные целебные заговоры (вот уж бред так бред!).

Кое-что полезное из книги я все-таки вынесла. Колдуньи и ведьмы – не монстры, не инопланетяне, они такие же, как мы, только владеют специальными методиками и обладают более сильным полем. А мы при долгой и упорной тренировке могли бы стать такими, как они. Или почти такими... Врожденный талант, безусловно, нужен. Если голоса нет, сколько ни распевайся, Шаляпиным не станешь!

За обедом я попыталась расспросить бабушку о колдунах из моего списка.

– Нечего о них говорить! – наливая мне в тарелку щи из свежей капусты, отрезала бабушка. – Держись от этой нечисти подальше!

Я размешала в щах сметану и с аппетитом проглотила несколько ложек. Как бы не растолстеть на бабушкиных харчах! Такого, как здесь, аппетита у меня в жизни не было.

– И от Прасковьи Ивановны? – на всякий случай уточнила я.

Заметно смягчившись, бабуля сказала:

– Да какая Прасковья ведьма? Так, знахарка... А внучок ее и вовсе выбился в люди – ученым стал!

Из этих слов я заключила, что с Прасковьей мне общаться позволительно и против Егора бабушка ничего не имеет. Зато пятеро из списка – совсем другое дело. Эти вовсе не безобидные. Нечисть, одним словом. Слава богу, что я не брякнула о сегодняшнем приглашении на чай! Пришлось соврать, что после ужина я намерена прогуляться с Егором.

– Что?! Егор пригласил тебя погулять?! – изумленно подняв брови, спросила бабушка.

– А что тут такого? – в свою очередь удивилась я.

– Да ничего... – Она пожала плечами. – Просто он, с тех пор как вернулся в Нелидовку, еще ни с одной девчонкой не гулял...

– Значит, не было достойных, – пробормотала я, краснея, поскольку и сама не попала в отряд достойных рыжего Егора.

Бросив на меня задумчивый взгляд, бабушка сказала:

– Что ж, прогуляйся, только не дотемна. Нечего тут в темноте шляться!

– А кого мне бояться? Привидения, что возле леса бродит? Так я же не одна буду.

– Уж больно ты смелая. Чтоб к одиннадцати была дома!

– Я буду раньше...

Ровно в семь вечера я подошла к сорок второму дому и громко постучала в железную, с литыми завитушками ка-

литку.

Дом был под стать хозяйке – светлый, нарядный, лубочный, но какой-то непростой. Казалось, за его чистенькими зелеными стенами идет потайная жизнь: то ли приносят кровавые жертвы древним богам, то ли устраивают детские праздники и раздают вкусные подарки...

Где-то во дворе лениво залаяла цепная собака. Дверь в избе без скрипа отворилась, и к калитке легкой походкой направилась Татьяна. Она была все в том же длинном светлом одеянии, но на плечах добавилась шерстяная накидка, а распущенные утром волосы были собраны в конский хвост. Впустив меня, она ласково проворковала:

– Проходи, проходи, невеста!

Я невольно вздрогнула. Откуда Татьяна могла узнать, что я – невеста? Уж точно не от меня! И не от моей бабули, которая с «нечистой» вроде Татьяны если и общается, то явно не дружит.

«Ничего удивительного, – тут же успокоила я себя. – В двадцатилетнем возрасте почти все девушки – чьи-то невесты. Ткни пальцем в любую – и в восьми случаях из десяти попадешь в точку. Так что никакой магии, обычный психологический трюк вроде тех, что используют на улицах цыгане. Мол, все-то я о тебе, девонька, знаю... А вот и нет! Ничего ты обо мне не знаешь. Вот когда мне имя жениха назовешь да внешность его опишешь, тогда, может, и поверю в твои магические способности. Но никак не раньше!»

Вслед за Татьяной я решительно вступила в избу и сразу ощутила сильный аромат трав. Покрутив головой, я обнаружила под самым потолком множество протянутых веревочек, к которым были привязаны небольшие пучки сушившихся растений. Некоторые растения были мне знакомы, названия других я не знала. Там были травки с белыми, желтыми, голубыми цветочками, с созревшими ягодками, с одними только листочками, встречались и связанные за ботву корешки (наподобие огородной петрушки), и очищенные от листьев веточки неизвестных побегов. Все это растительное богатство источало резкий аптечный запах.

– Моя домашняя лечебница! – с гордостью пояснила Татьяна. – В ней средство от любой болезни найдется.

– И от рака? – недоверчиво спросила я.

– И от рака, – самодовольно улыбнулась хозяйка. – Ладно, пойдем, а то от травяного духа голова закружится.

В комнате, куда мы прошли, травы под потолком не сушились, потому и запах был менее резким. Два небольших окна были закрыты белым прозрачным тюлем, по бокам висели плотные зеленоватые шторы, которые Татьяна сразу же задернула. Справа от окон я увидела накрытый пледом диван и два ряда книжных полок. На полках разместились книги, иконы, какие-то цветные камешки, маленькие фигурки животных, тряпичные куколки, спиралевидные морские раковины и прочие мелкие предметы то ли чисто декоративно-го, то ли магического назначения. Противоположную стену

украшали двухстворчатый платяной шкаф и полированный сервант с посудой. В центре комнаты стоял большой круглый стол, накрытый вышитой полотняной скатертью. На столе я увидела пожелтевшую от времени колоду карт.

Татьяна задумчиво взяла карты, погладила их рукой и бережно переложила на сервант. Затем с радушной улыбкой пригласила меня за стол.

– Сначала чаем напою, а уж потом погадаю! – весело сказала она.

Мне тут же вспомнилась Баба-яга из детской сказки, которая гостя напоит, накормит и в баньке попарит, а уж потом только съест. Но страха я не испытывала, одно лишь жгучее любопытство. «Эта не съест, – с интересом разглядывая предметы на полках, думала я, – а если и съест, то как-нибудь по-новому, по-современному...»

Я впервые попала в жилище «настоящей ведьмы». Настоящей ли? Посмотреть вокруг – ничего особенного, разве что травы все в доме провоняли. Мебель как мебель – платяной шкаф, сервант, диван, книжные полки, вот только книги на полках все больше старинные. А может, и не старинные они, а просто старые и потрепанные, я-то в них не разбираюсь. Телевизор «Самсунг» в углу на тумбочке, подольская швейная машинка у окна... Серая кошка на подоконнике тщательно вылизывает мягкие лапки. На диване дремлет еще одна, помельче – возможно, дочка или сынок той серой...

Тем временем хозяйка поставила на стол фарфоровые чашки с цветочными узорами, стеклянные розетки, баночку с брусничным вареньем и домашнее печенье в плетеной тарелочке. Заварила и разлила по чашкам крепкий индийский чай. Затем уселась напротив, немного отодвинула от себя чашку с дымящимся чаем и участливо спросила:

– Ну и как тебе в Нелидовке? Скучно здесь, поди, после Москвы...

О скуке я почти совсем забыла. Забавное местечко эта Нелидовка с ее погодной аномалией! И люди здесь интересные. Взять хотя бы саму Татьяну или рыжего Егора с непонятной сексуальной ориентацией...

– Вообще мне не скучно, – сказала я и сделала маленький глоток. В чай были явно добавлены какие-то травы – вкус был терпкий, чуть-чуть горьковатый, но при этом очень приятный. – Я и не знала, что тут чудеса на каждом шагу! Взять, к примеру, здешнюю погоду: когда на одной окраине солнце, на другой непременно дождь или хотя бы туча. Почему так происходит?

– Ну, причин нелидовской аномалии никто не знает... – подняла на меня зеленые глаза Татьяна. Я вдруг заметила, что у нее невероятно длинные, загнутые, как у большой детской куклы, ресницы (издалека их можно было принять за накладные). – Так уж здесь испокон веков повелось. Каприз природы! Правда, некоторые думают иначе. – (В последней фразе был недвусмысленный намек на бабу Ма-

шу). – Некоторые считают, что кто-то здесь специально портит погоду...

– А разве такое возможно? – быстро спросила я.

– Да как тебе сказать... – вопреки моим ожиданиям ответила собеседница. – Большинству, конечно, не по силам, а вот Ванюша, пожалуй, смог бы...

Услышав ласковое имя Ванюша, я озадаченно наморщила лоб:

– А это кто?

– Иван Макарович Багров. Его здесь еще Макарычем зовут. Старенький такой дедуля, что в крайнем доме живет.

Мне тут же вспомнился угрюмый черноглазый дед, так и не ответивший на мое приветствие. А еще – бабушкины слова о молниях, полыхающих аккурат над Ивановым домом, о том, как одно зло притягивает к себе другое... В списке, данном мне Егором, Макарыч значился под номером один.

– Вы это серьезно?

Татьяна красивыми точными движениями положила в стеклянные розетки варенье и одну из розеток придвинула мне поближе. Зачерпнув варенье чайной ложечкой, я отправила его в рот – да так и застыла с ложкой во рту. Боже мой, какая вкусотища! Ничего подобного отродясь не пробовала. Мама тоже готовит очень вкусное варенье из брусники, но даже его не сравнить с Татьяниним... Заметив произведенный эффект, хозяйка довольно улыбнулась.

– Не веришь, что человек на погоду может влиять? И напрасно! Ты слышала об облакопрогонниках, градивниках, хмарниках?

– Нет. А кто они такие?

– Так в славянских легендах назывались колдуны, умеющие воздействовать на погоду. Своей чародейской силой они меняли направление ветров, вызывали дожди или град, но могли и засуху наслать – по желанию заказчика или по собственному капризу. Таким чародеям деревенские жители при встрече низко кланялись. Да что там кланялись – в ножки падали, последнее рады были отдать, лишь бы спасти гибнущий урожай, не умереть всей семьей с голоду. Только те колдуны были куда сильнее нынешних! У нынешних – одно пустословие. Наговорят, наобещают с три короба, а как до дела дойдет – так никакого дела и нет. Но Ванюша – он из тех, из прежних. Он бы, пожалуй, смог...

– Получается, что Макарыч – самый сильный колдун в деревне? Сильнее его здесь никого нет? – лукаво прищуриив глаза, спросила я.

Отхлебнув уже слегка остывший чай, Татьяна уклончиво произнесла:

– Всяк по-своему считает. По мне, так сильнее Ивана в Нелидовке нет! Есть тут еще несколько персон, но... не тот уровень.

Быстро перебрав в уме список, я осторожно спросила.

– А что Савелий? Он не способен влиять на погоду?

– Кто? Савка-то? Да куда ему! Гонора у Савки много, а силы – кот наплакал. Откровенно говоря, я и колдуном-то его не считаю.

– Может, Лукерья? – услужливо подсказала я.

Татьяна пригубила варенье и, посмаковав его во рту, проворботала себе под нос: «А сахарку-то многовато...» – затем задумчиво постучала наманикюренными ногтями по тонкому фарфоровому блюдцу.

– Лукерья, говоришь? Так она больше по житейским вопросам. Приворот, отворот, выкидыш у беременной бабы – вот ее забавы. Хитрая бабка! Знает свой предел, на большее не замахнется. К тому же слишком уж деньги любит, за просто так и пальцем не шевельнет.

Разговор за чаем складывался на редкость удачно. Татьяна услужливо выкладывала мне всю подноготную местных чародеев. Я мысленно похвалила себя. Какая же я умная да сообразительная, как ловко направила беседу в нужное русло! О троих кое-что разузнала... Остались Марфа и сама Татьяна. Ой, вру, есть же еще Прасковья, неплохо бы и о ней спросить! Правда, я обещала Егору ее не трогать... Ну да как он узнает?

– Говорят, тут проживает некая Марфа...

– Проживает, – скривившись, кивнула хозяйка. – Довольно крупная пакостница, злющая-я-я, словно голодная тигрица! Вот только погода ей совсем не интересна. Марфе мужиков подавай, а они бегут от нее, как от чумы. Вот она и опол-

чилась на людей. Будь ее воля, всех бы здесь извела! Ангелы-хранители не позволяют.

– Ангелы-хранители? – с интересом спросила я. – Это те, что якобы от напастей оберегают?

– Якобы?! – всплеснула руками Татьяна. – Ты говори, да не заговаривайся, а то отвернется от тебя твой ангел, и попадешь в большую беду. Молодая ты еще, глупая. Не понимаешь многого. Существуют силы, с которыми шутить нельзя. А если в чем-то сомневаешься, то уж лучше молчи!

– Простите, я не хотела, – пряча усмешку, невинным голоском промолвила я. – А ангел-хранитель у каждого человека есть?

– У каждого, – сердито буркнула Татьяна.

Прежде чем задать следующий вопрос, я решительно наполнила стеклянную розетку брусничным вареньем и тут же отправила ложку в рот (вдруг хозяйка, осерчав, выпроводит меня восвояси – когда-то еще попробую подобное кулинарное волшебство?). Потом взяла печенье и откусила от него сразу половину. Тоже оказалось очень вкусным.

– Почему же тогда люди попадают в аварии, разные катастрофы, куда смотрят их ангелы-хранители?

Татьяна мрачно задумалась. Похоже, последним вопросом я поставила ее в тупик. А на что надеялась, голубушка? Что буду смотреть тебе в рот и кивать, как китайский болванчик? Не на ту напала!

Пока она молчала, я доела печенье и вновь взялась за ва-

ренье. Чего стесняться-то, все равно сейчас выгонят!

– Ангел-хранитель следит, чтобы человек раньше времени не сгинул, чтобы свои главные задачи успел выполнить, – наконец заговорила Татьяна. – Но если кому-то пришел срок перед Богом предстать, то ангел-хранитель не вмешивается.

– А если к назначенному сроку он не выполнил задачи, то и Бог его к себе не призовет? – продолжала допытываться я.

– Не надейся, призовет, иначе глупцы и лентяи жили бы вечно! – с заметным раздражением ответила Татьяна. – И хватит лезть ко мне с подобными вопросами! Я богословских факультетов не заканчивала.

– Больше не буду, – заверила я (и вправду, чего пристаю к обычной деревенской гадалке?) и попыталась вернуться к прежней теме: – Выходит, кроме Макарыча, влиять на погоду некому?

– Некому, – подтвердила хозяйка. – Он один бы смог. Вот только зачем?

«Действительно, зачем? – мысленно согласилась я. – Зачем человеку бесплатно портить погоду, причем не раз и не два в году, а изо дня в день на протяжении многих десятков лет? Разве что у колдуна свои резоны, неподвластные обычной житейской логике... А может, все-таки у колдуньи? Спросить, что ли, о бабке Егора?»

– А что Прасковья?

– Какая Прасковья? У нас их на селе две.

– Ну, у нее еще внук диссертацию пишет... Она не может

погоду портить?

– Прасковья? – недоуменно переспросила хозяйка и внешне прыснула. Смеясь, она собрала на переносице мелкие морщинки, из-за чего ее небольшой нос стал еще короче. Морщинки-смешинки веером разбежались в уголках глаз, легли полукругами возле губ. – Надо же такое придумать! Да разве ж ягненок может кусаться? Параша у нас добренькая, всех вылечить да утешить норовит. Ну... вроде меня.

– А Макарыч, выходит, злой?

– Злой, добрый... Разве в этом дело? Дело в возможностях, а не в доброте. Говорю тебе – Ваня справился бы с тучами!

Конечно же, я не поверила в особые способности Макарыча. Ни во что я тогда всерьез не верила... Но игра, в которую я ввязалась от скуки, становилась все интереснее. Теперь будет что рассказать рыжему Егору. Он наверняка даже не слышал о всяких там облакопрогонниках, градивниках, хмарниках, хотя и работает над диссертацией уже целый год. А я в первый же вечер разузнала! И это только начало. Завтра я лично познакомлюсь с Макарычем и прочей колдовской компанией, а отчет об этих встречах отнесу рыжему в библиотеку. Представляю, как он будет удивлен, как выкатит свои желтые зенки. Заплачет потом горькими слезами, что не воспользовался случаем и не пригласил на дискотеку такую замечательную девушку – умницу, красавицу, почти фотомодел. Так ему и надо, пусть плачет! Красавица будет

уже в Москве, в объятиях высокого голубоглазого жениха, и даже ни разу не вспомнит о каком-то рыжем Егоре...

– Хочешь еще варенья?

А я и не заметила, как начисто выскребла мельхиоровой ложечкой тонкую стеклянную розетку. Стыдобища! Надо срочно умерить аппетит, а то пойдут по деревне слухи, что у приезжей девицы булимия...

– Нет, спасибо.

– Что, не нравится?

– Очень даже нравится! Варенье невероятно вкусное, вкуснее, чем у моей мамы. Просто мне не терпится погладить...

Татьяна понимающе улыбнулась:

– Что ж, давай перейдем к гаданию.

Она быстро убрала со стола посуду, вымыла на кухне руки и в комнату вернулась уже с совсем другим выражением лица. Теперь ее лицо было серьезным и сосредоточенным, напоминая суровый иконописный лик. Торжественно и степенно, словно совершая богослужение, Татьяна взяла с серванта карты. Я с нескрываемым любопытством воззрилась на них. Карты были старыми, замусоленными, с обтрепанными уголками. На тыльной стороне каждой карты летели в серых клочьях облаков то ли черные птицы, то ли летучие мыши... Интересно, обычные это карты или все-таки Таро? Впрочем, мне-то какая разница!

Гадалка села напротив меня. Задумчиво глядя перед со-

бой, она неспешно тасовала колоду. Затем, опустив взгляд, изящным движением руки стала снимать по три карты, тихо приговаривая: «Покажись дама бубновая, незамужняя!» Карты оказались самыми обычными, что меня слегка разочаровало. Глядя на очередную тройку карт, Татьяна озадаченно приподняла брови:

– Вот, значит, как!

– А что там? – тут же заинтересовалась я.

– Бубновая дама вышла в окружении двух королей. Двоих возле тебя вижу, девонька.

– Странно...

Я уж было решила, что Татьяна – совсем плохая гадалка, но вовремя вспомнила о втором короле. Это же Паша Кочетков! Тот самый Паша, что так нравится моей маме и совсем не нравится мне. Плотный, невысокий, уже начинающий лысеть, с умными глазами и крупной головой, тот, что, по мнению мамы, многого добьется...

Гадалка тем временем извлекла бубновую даму и положила ее перед собой. Вновь перетасовала колоду, вынула наугад одну карту и покачала головой.

– Пустые хлопоты на сердце, – сказала она и пояснила: – Ты суетишься, о чем-то хлопочешь, но все это – пустое.

Я невольно насторожилась:

– Как это – пустое? Почему?

– Почему, – сурово ответила гадалка, – вопрос не ко мне. Это ты себя спроси, зачем пустым делом занимаешься.

Бросив карту поверх бубновой дамы, Татьяна разделила оставшуюся колоду на четыре части и разложила по сторонам от двух центральных карт. Затем взяла самую дальнюю стопку, открыла две верхние карты и положила на освободившееся место. Подобную манипуляцию она проделала и с оставшимися тремя стопками, в результате на столе образовался крест. В центре креста находились бубновая дама и та самая карта, что предвещала мне пустые хлопоты. Но на крестообразной фигуре гадальный расклад не закончился. По четырём диагоналям креста Татьяна выложила еще по две карты. Теперь пространство вокруг бубновой дамы было буквально усеяно разными мастями и картинками. Но и этого гадалке показалось мало. Перемешав оставшиеся карты, она отбросила три верхних в сторону, а четвертую положила на бубновую даму. Потом еще дважды – три карты в сторону, одну к центральной стопке, и на этом расклад закончился.

Тут-то и началось главное священнодействие. Татьяна внимательно вглядывалась в карты, дотрагивалась до них, что-то тихо нашептывала. О моем существовании она, казалось, напрочь забыла. Потом внезапно произнесла:

– Много пиковой масти, очень много! Восьмерка пик с валетом – ссора между влюбленными. Десятка пик с бубновым королем – несбыточное желание. Тут же семерка пик острием вниз – обман, предательство.

– Меня предали? – обмерла я.

– Может, тебя... А может, сама кого предала...

– Я?!

С каждой секундой гадание нравилось мне все меньше. Сначала пустые хлопоты, теперь предательство. Ерунда какая-то... Не умеет гадать, а берется! А я-то, дура, попалась, как мышь на отравленную приманку. Понимаю, что все это глупость, а настроение испорчено.

– И кого же я предала?

– Сестру? Нет, не сестру, одна ты у родителей... Подругу давнюю!

– Это как же?

– А вот как. Есть у тебя парень – красив, пригож, статен. Волосы светлые, глаза – голубые или серые. Зовут его... – Она на секунду задумалась. – Вроде на букву «А» – может, Александром, а может, Андреем...

«Ну ничего себе! – мысленно ахнула я. – Внешность еще ладно... Могла и догадаться, какие парни мне нравятся. Но имя?! Как ей удалось?»

– Да, Андреем зовут.

Гадалка удовлетворенно кивнула.

– Все мысли у тебя сейчас о свадьбе. Видишь себя в белом платье и фате, а Андрея – с собою рядом. И подружку свою на свадьбе видишь. Знаешь, что не рада она за вас, что сама о том парне мечтает. Уесть ее хочешь! Хочешь, чтоб завидовала она тебе...

Я невольно смутилась:

– Да не нужна мне ее зависть!

Татьяна грозно сверкнула зелеными глазами:

– Неужели? Себя-то не обманывай! Дружбу девичью предаешь. Грех это.

– Ничего я не предаю! И вообще – дружба кончается там, где начинается любовь. Что же мне, ради дружбы ей любимого подарить?

Татьяна в ответ покачала головой. Нахмутив брови, она вновь коснулась пальцами карт и зашептала:

– Шестерка трэф – бесполезная дорога. Десятка при червовой даме – слезы. Девятка с десяткой трэф – удивление. Три валета – неясность в будущем.

– И что все это значит?

– Это значит, что ничего у тебя с Андреем не получится. И жалеть об этом не стоит. нравитесь вы друг другу, но настоящей любви между вами нет. Не любили вы еще по-настоящему.

– Это кто ж не любил – я или он?

– И он, и ты.

У меня отлегло от сердца. На этот раз Татьяна явно ошиблась. Дело даже не в Андрее, хотя он тоже любит, я это знаю. Дело во мне. Уж я-то люблю его всерьез. Мои чувства к нему – настоящая любовь! А как еще назвать состояние, когда постоянно думаешь о милом, мечтаешь о нем и хочешь быть все время рядом с ним?

– Тут вы ошибаетесь, – почти насмешливо возразила я.

Доселе спокойные зеленые глаза внезапно пробуравили меня насквозь и словно пригвоздили к стулу. Меня вдруг обдало жаром, затем бросило в пот, а сердце в груди забилося, затрепыхалось, как испуганная птичка. Я с ужасом взглянула на гадалку, и она тут же отвела взгляд. Тягостные ощущения исчезли так же внезапно, как и возникли, но оставили неприятный след. Захотелось, трижды плюнуть через левое плечо и со словами «Чур меня! Чур!» торопливо покинуть дом. Естественно, я осталась. Мы, дети технической цивилизации, привыкли давить в себе природные инстинкты.

– Ты, Вика, на меня не серчай! – виновато улыбаясь, сказала Татьяна. – Я ведь что вижу в картах, то и говорю, поскольку сызмальства врать не приучена. Некоторые гадалки наговорят с три короба, наобещают золотые горы, и будешь потом до старости обещанного ждать. Для кого-то в обмане спасение и забвение, а для кого-то – потерянные годы, напрасно прожитая жизнь... Ну не вижу я у тебя с Андреем будущего! Такой уж выпал расклад...

Что за чушь она несет? Как это не видит будущего? Бред, вздор, полная ерунда! Да разве ж я такого гадания ждала? Нет, гадать Татьяна определенно не умеет и будущего знать не может. А всякие пакости говорит потому, что завидует мне черной завистью. Еще бы ей не завидовать! У меня скоро свадьба, а у нее, небось, и любовника-то нет. Откуда ему взяться, если в селе на десять баб один заваливающий мужик? Вот она и злится. Пусть злится, нимфоманка голодная, пе-

резрелая старая дева... Все равно будет так, как я решила!

Будет у меня свадьба! Будет высокий белокурый жених, и нарядное подвенечное платье, и шикарный свадебный лимужин, и веселые пьяные гости, и среди них – Светка с красными от слез глазами, – все будет! А иначе что я делаю в этой забытой богом Нелидовке?

Виноватая улыбка гадалки медленно растаяла, линия губ стала прямой и жесткой.

– Небось, жалеешь, что пришла ко мне гадать?

– Ни о чем я не жалею, – процедила я сквозь зубы. – Все равно я в ваше гадание не верю.

Татьяна стала быстро сгребать карты в одну кучку. Черные и красные масти хищно напозлали друг на друга, при этом казалось, что одни дикие звери поглощают других. На моих глазах дама проглотила короля, восьмерка валета, десятка восьмерку, пиковая шестерка проглотила даму...

– Верить или не верить – тебе решать, – тщательно мешая карты, изрекла гадалка. – Только вера тут ничего не изменит.

– А что изменит? – борясь с подступившими слезами, спросила я.

Зря, в общем-то, спросила, лучше бы откланялась и ушла. Мало ли чего она еще наговорит...

– Только одно может сработать – твоя решимость во что бы то ни стало переломить судьбу! Любой ценой, любыми средствами. Только делать этого не советую. Пожалеешь вскорости. Ты поняла меня, Вика?

– Нет, – пролепетала я. – Как-то вы это... туманно.

– Ладно, могу и поконкретней. Предположим, изменишь ты судьбу и выйдешь замуж за Андрея. Свадьба-то у тебя будет, а счастье – нет. Пожалеешь потом об этой свадьбе.

– Я? Пожалую?! Да никогда!

Отложив карты в сторону, Татьяна тяжело вздохнула. В том вздохе было нечто большее, чем недовольство «тупостью» гости. В нем были непонятное сожаление и злая, усталая обреченность. Вздох словно говорил: «Посмотри на меня! Я была такой же, как ты, – молодой, бесшабашной, упрямой, и вот что со мною стало!»

Сидевшей напротив старой деве явно было что вспомнить. Да и с чего я вдруг решила, что Татьяна – старая дева? Что не замужем – сразу видно, но девственница ли она?

– Пойми, Вика, не твой он по судьбе! Не твой, слышишь? Другая у него дорога. Не уживетесь вы вместе, только измучаете и издергаете друг друга. И гадание тебя об этом честно предупредило. А дальше – решай сама.

А нечего тут решать, все уже решено! Я люблю Андрея, я хочу за него замуж, и никакое гадание мне не помеха. Мы оба молоды, красивы, мы просто созданы друг для друга, и, кто бы там чего ни говорил, мы будем очень, очень счастливы!

Татьяна вновь взяла карты, зачем-то дунула на них и убрала в ящик серванта.

– Может, еще чайку? – без особого энтузиазма предложи-

ла она.

Я покачала головой. Чаевничать мне больше не хотелось. Доверие к Татьяне было подорвано, и даже новая порция вкуснейшего брусничного варенья не смогла бы это изменить.

– Спасибо, но я, пожалуй, пойду.

– Ну, как знаешь... Только не обижайся на меня. Я бы рада всем счастье предсказывать, да карты по-разному выпадают.

– Никаких обид! – заверила я и даже попыталась улыбнуться, но улыбка, похоже, не получилась.

Глава шестая. Макарыч

На следующее утро, заглянув в библиотеку, я обнаружила, что рыжий уже на месте. Он сидел за тем же столом, что и вчера, перед ним были разложены все те же пожелтевшие газеты, поверх которых лежал раскрытый блокнот с какими-то неразборчивыми пометками. Но сказать, что Егор работает, я бы не рискнула. Рыжий спал, пристроив голову на сложенные на столе руки. Так спят на лекциях нерадивые студенты, спрятавшись за спинами своих примерных товарищей. Он был одет в светло-зеленую рубашку с короткими рукавами и темные хлопчатобумажные брюки. Рыжие волосы пламенели как-то особенно ярко – похоже, он вчера вымыл голову. Открытые руки были крепкими, жилистыми, с такой же, как и на лице, обгоревшей кожей.

Что же его, бедного, так сморило? Не иначе как провел ночь у подружки и теперь вместо напряженной работы над диссертацией отсыпается. Наивная баба Маша! Думает, если парень с кем-то гуляет, то только под ручку и вдоль деревни. В ее времена, может, так и было, а сейчас все изменилось! Пришел к зазнобе среди ночи, провел в утехах пару-тройку часов, поцеловал напоследок и тихой сапой домой. Никто и не в курсе, даже Прасковья. Надо же, придумали, что, вернувшись в Нелидовку, он ни с одной девушкой не гулял! А он не подросток, чтобы просто гулять, он взрослый муж-

чина. Завел себе в деревне любовницу, может быть ту же Татьяну, и развлекается с ней по ночам, а днем притворяется паинькой...

Оставались, правда, и другие варианты – Егор мог до утра смотреть телевизор или читать захватывающий детектив.

– Привет! – громко сказала я.

В тишине сельской библиотеки мой голос прозвучал как удар гонга.

Егор слегка приподнял голову и мутным взглядом уставился на меня. Я невольно выпрямила спину и расправила плечи. На мне был легкий цветастый сарафан – ноги и плечи открыты, талия подчеркнута широким поясом. Купила специально для поездки в Сочи, но не пропадать же добру!

Постепенно взгляд у него прояснился.

– Привет, Вика. Я, кажется, немного задремал.

– Понимаю, бурная ночь, – язвительно бросила я и тут же мысленно одернула себя: «Прекрати! Какое тебе дело до того, как он провел ночь!»

Он виновато пожал плечами, но объяснять ничего не стал. Так мне и надо! Вечно сую нос куда не следует...

– А где библиотекарьша? – спросила я, демонстративно тебя в руках вчерашнюю книгу по колдовству. Пусть не думает, что я пришла на него полюбоваться! Сдам книгу и сразу же уйду.

– В магазине напротив. С Люськой, продавщицей, ласы точит. Чего ей тут сидеть, если читателей – раз, два и обчел-

ся?

Деловито взглянув на часы, я как бы нехотя бросила:

– Ну, как успехи?

– Скромные. А у тебя? – ответил он, прикрывая рукой зевок.

Для придания важности последующим словам я выдержала эффектную паузу.

– А у меня – потрясающие новости!

И тут же вновь замолчала, ожидая от него вопросов. Но вопросов не было. Егор смотрел на меня довольно скептически: либо не верил, что я успела что-то раскопать, либо любые мои достижения ему были заранее неинтересны.

«Да что же это за парень?! – мысленно возмутилась я. – Откуда такой выискался? Ни рыба ни мясо – просто черт знает что. Подыграл бы хоть немного, неужели это так трудно?»

– Вчера была в гостях у здешней гадалки, Татьяны, – упавшим голосом пробормотала я. – Из твоего, между прочим, списка.

И неожиданно заметила в глазах Егора интерес. Надо же! А я уж было решила, что совсем замороженный...

Его внимание мгновенно придало мне сил.

– У нее весь дом травами увешан, – затараторила я, – запах стоит как в аптеке! Мы с ней вместе чай пили. – Про гадание я решила молчать, хотя именно оно со вчерашнего дня не давало мне покоя. – И она мне по секрету сообщила...

– И что же она тебе сообщила? – слегка подался вперед

Егор.

Похоже, действительно заинтересовался!

Я снова сделала эффектную паузу, однако слишком затягивать ее не стала, опасаясь, что пробудившийся у Егора интерес может неожиданно угаснуть.

– Она утверждает, что старый колдун Иван Багров способен влиять на погоду!

Егор расслабленно откинулся на спинку стула.

– Так, значит, это он нам погоду портит?

В прозрачных светло-карих глазах читалась ирония. Рыбка сорвалась с крючка. Что-то я сделала не так: то ли наживку плохо закрепила, то ли подсечку сделала не вовремя.

– Тут разобраться надо, – хмуро промолвила я. – Хочу сегодня познакомиться с ним поближе.

– Не советую, – с напускной, как мне показалось, серьезностью изрек Егор. – Старик до молоденьких девушек больно охоч. Ты слышала о Наташке Сидоровой?

– Нет. А кто это?

Рыжий опустил глаза, вроде как опечалился. На самом же деле просто забавлялся. Похоже, плевать ему на эту Наташку, как, впрочем, и на меня...

– Девчонка нелидовская. В прошлом году школу окончила. Была девка как девка, с нормальным парнем встречалась – с Мишкой Корчагиным, моим школьным дружкой. Мишка даже жениться на ней собрался. А Наташка вдруг к Макарычу стала бегать. Мишка удивлялся, но молчал – ка-

кой из девяностолетнего деда соперник? Потом ему все это надоело: ребята прям в глаза смеются, девчонки за спиной прыскают в кулачок. Пришел он, значит, к Наташке и говорит: «Решай прямо сейчас – со мной ты или с ним!» А она ему: «Уйди, придурок, знать тебя не желаю! Одного только Ваню люблю!» Ну, как тебе история?

– Не верю! – с театральным пафосом воскликнула я. – Не может такого быть. Он же страшный, седой, морщинистый... Пахнет, наверное, псиной...

– Может, псиной, может, тухлятиной, но девчонка-то этого не замечает! – весело возразил Егор и добавил: – Сам я ни в какое колдовство не верю, но Наташку дед определенно приворожил. А может, загипнотизировал... Знаешь, какой у него взгляд? Точь-в-точь как у Вольфа Мессинга! Неужто не боишься?

Я самоуверенно улыбнулась:

– Нечего мне бояться, я гипнозу не поддаюсь. Да и вообще, чего это ты вдруг забеспокоился? Может, ревнуешь?

– Естественно, ревную! – тут же выпалил Егор, подмигнул мне и весело рассмеялся.

Нет, я, конечно, не показала, что всерьез уязвлена, разве что голос предательски задрожал. Что-то со мной определенно не так! Похоже, в глазах Егора я не дотягиваю даже до Наташки Сидоровой, почти наверняка – неуклюжей коровы с тремя извилинами в голове. Но почему?! Я девушка интересная, модная, стильная, к тому же умная и образованная

(или почти образованная, поскольку закончила пока только два курса института). На меня даже Андрей запал, который, между прочим, первый красавец на курсе. А рыжему хоть бы что! Не западает на меня, и все тут. Остается лишь теряться в догадках: то ли ему нравятся коровы, одну из которых он себе и нашел, то ли женщины ему вообще не интересны...

Поверить в голубизну Егора я почему-то никак не решалась.

– Вообще-то, в этом дедке что-то есть, – кое-как справившись с голосом, сказала я. – Видела я его вчера возле магазина... Старый, конечно, а взгляд пронзительный, как у молодого. И нос с такой аристократической горбинкой. Он, часом, не из дворян?

– Вполне возможно, – серьезно ответил Егор. – Тут когда-то дворянская усадьба была, километрах в пяти от деревни... Ее в Гражданскую войну крестьяне сожгли, а хозяева за границу удрали. Так вот...

Егор заговорщически огляделся по сторонам, словно собирался доверить мне важную государственную тайну.

– Мать Ивана Багрова до революции частенько в той усадьбе бывала, сына хозяйского от какой-то болезни лечила. Мужа-то у нее не было, мальчонку неизвестно от кого родила, а отчество ему дала по деду. Так что по отцу Макарыч, может, и из дворян, зато по материнской линии у него сплошь колдуны да ведьмы.

– И откуда ты все это знаешь?

– Бабушка рассказывала.

«Странно, – подумала я, – все бабушка да бабушка – и ни слова об отце с матерью».

– А родители твои где?

Я тут же пожалела о заданном вопросе. Лицо Егора внезапно помрачнело, линия рта болезненно исказилась. Кто бы предупредил, что мне не стоит затрагивать эту тему!

Помолчав, он все-таки ответил:

– Отца я почти не помню, может, жив еще, может, нет... А мать погибла в лесу, когда мне лет пять от роду было. Застрелил ее из ружья какой-то изверг – зэк беглый или кто-то из местных... Убийцу так тогда и не нашли. Так что, кроме бабушки, у меня никого нет. Одни мы с ней на этом свете...

В моей памяти тут же всплыл вчерашний разговор с бабой Машей: «Женщину в лесу застрелили. Только очень давно, лет двадцать назад...»

Не об этом ли случае бабушка вспомнила? Наверняка об этом. Не каждый же день в здешнем лесу кого-нибудь убивают! И давность события примерно совпадает – Егору сейчас не больше двадцати пяти. Но если все именно так... Бедный Егор! Мать убили, папаша, судя по всему, его еще раньше бросил.

– Отца ты не пробовал разыскать? – смущенно запинаясь, спросила я.

Рыжий почему-то отвел глаза.

– Пробую. Пока не получается.

– Получится, обязательно получится, – пробормотала я, пытаюсь избавиться от болезненного чувства в груди, именуемого жалостью.

С какой стати мне его жалеть? Да, рос без родителей, с одной только бабушкой. Да, детство наверняка было трудным. Однако не похоже, чтобы он чувствовал себя уязвимым. Напротив, слишком самоуверен. Принцессу ему подавай, не иначе, или даже королеву... Я же, судя по всему, так, ничего примечательного. Обычная молоденькая дурочка, каких на каждом углу по десятку.

Смириться с этим было просто невозможно. Нужно было срочно что-то предпринять – например, раздобыть новую шокирующую информацию или совершить нечто яркое, экстраординарное, такое, чтобы он, наконец, понял и зацепился. Тогда можно будет с гордо поднятой головой вернуться в Москву, где меня ждет не дождется красавец Андрей. День нашей свадьбы ничто не должно омрачить, даже воспоминания о рыжем деревенском парне, оставшемся ко мне совершенно равнодушным...

Жалость к рыжему растаяла без следа, на смену ей пришла злая решимость. Хватит попусту ляссы точить, пора, наконец, за дело браться!

– Что-то библиотекарши долго нет... – нетерпеливо сказала я, вертя в руках «колдовскую» книжку.

– Могу и я за нее поработать, – потягиваясь, произнес Егор, неспешно поднялся из-за стола и направился к ящичку

с формулярами.

Я незаметно его разглядывала и должна была признать, что, если б не цвет волос, он был бы очень даже ничего! Ростом хоть и пониже Андрея, зато стройнее, крепче, мускулистее. Фигура как у гимнаста: широкие плечи, крепкая спина, узкие бедра... Размашистая пружинистая походка... И было в нем еще кое-что, напрочь отсутствовавшее в Андрее. Естественность! В отличие от моего красавца жениха, Егор не демонстрировал себя аудитории, а просто делал то, что делал, – в данный момент рылся в ящичке с формулярами. Через несколько секунд он выудил оттуда маленькую картонную карточку.

– Ты ведь Ельцова, как и бабушка? – спросил он, поворачиваясь ко мне.

Я мгновенно отвела взгляд, смущенно уставившись на свои ступни в открытых босоножках.

– Ну да, Ельцова.

Он отвернулся, чтобы сделать пометку в карточке, я тут же вновь стала его разглядывать.

Да... Весьма неплохая фигура... Надо будет как-то намекнуть Андрею, чтобы записался в тренажерный зал. Пусть бицепсы немного подкачает, да и трицепсам накачка не повредит...

– Ну вот и все, книгу ты вернула. Возьмешь еще что-нибудь?

Я на секунду замялась, затем решительно помотала голо-

вой:

– Хватит с меня теории, пора заняться практикой. Пойду с Макарычем знакомиться.

– Что ж, знакомься, – ухмыльнулся Егор. – Но я тебя предупредил...

Я вышла из библиотеки и тут же столкнулась с Надеждой Федоровной, удивленно воззрившейся на меня. Я буркнула невнятное приветствие и резво припустилась по улице к дому старого колдуна. За спиной услышала многозначительное: «Однако...» Уж не решила ли она, часом, что я бегаю за Егором?

Дом Ивана Багрова произвел на меня мрачное впечатление. Тяжелое, приземистое строение, сложенное из массивных неокрашенных бревен, сильно потемневших от времени. Окна небольшие, с толстыми рамами; вроде и не занавешены изнутри, а ничегошеньки в них не разглядишь. Не изба, а настоящий каземат, разве что решеток на окнах нет...

При взгляде на дом решимости у меня заметно поубавилось. Я робко приблизилась к железной калитке, когда-то выкрашенной в черный цвет, а ныне пегой, с проржавевшими участками, и заглянула во двор.

Приусадебный участок был откровенно запущен: никаких грядок или теплиц, везде высокая сорная трава, лишь вдоль забора неухоженные кусты малинника да две одичавшие яблони возле крыльца. И живности, похоже, никакой – ни кур,

ни коз, ни даже заваливающего пса. Все выглядело так, словно старый дом давно покинут обитателями. Но я-то точно знала, что это не так.

Внезапно откуда-то сбоку налетел сильный ветер, растрепав мои старательно уложенные волосы. С забора слетела ветхая тряпка, несколько раз кувырнувшись в воздухе и приземлилась в некошенной траве. Калитка, слегка прихваченная стальным крючком, громко и часто застучала.

Взглянув на небо, я обнаружила над собой большую темную тучу. Сейчас хлынет дождь, а я, как назло, даже зонта не взяла. Может, бегом вернуться в библиотеку? Нет, в библиотеку нельзя, там Егор. Еще подумает, что я к нему клеюсь! Уж лучше к Макарычу в гости... В конце концов, чего мне бояться? Что я, с дряхлым дедом не справлюсь?

Негромко крикнув: «Эй, есть тут кто-нибудь?» – я аккуратно сняла крючок и прошла внутрь. Неприятное ощущение возникло сразу же – вполне отчетливое ощущение, что за мной наблюдают. Я испуганно завертела головой, но не обнаружила вокруг ни души. В темных окнах Иванова дома тоже никто не маячил... Наверное, показалось...

Борясь с назойливым желанием немедленно дать деру, я подошла к невысокому крыльцу, поднялась на две ступеньки и постучала в дверь. В ответ – гробовая тишина.

В любимых мною детективах в подобной ситуации дверь почему-то всегда бывает незапертой. Главный герой (или героиня) не раздумывая проходит в дом и, естественно, обна-

руживает труп. Ну а дальше два варианта: либо убийца все еще в доме и нападает на героя, либо внезапно приезжает полиция и арестовывает героя как главного подозреваемого. В общем, в любом из вариантов нет ничего хорошего. Если б не гроза, готовая обрушиться на мою голову, я развернулась бы и пошла восвояси, но я с детства панически боюсь молний. А дедуля-то может оказаться совсем глухим (может, поэтому он не ответил мне на приветствие?). Толкнуть дверь, что ли?

Я стояла на низком крыльце, ежась от пронизывающего ветра и не зная, как поступить. Внезапно чья-то жесткая рука тяжело опустилась мне на плечо. Мгновенно обернувшись, я наткнулась на черные, недобрые зрачки Ивана Багрова. Господи, откуда он взялся?

В первый момент мне пришло в голову, что Макарыч материализовался прямо из воздуха, но, опустив взгляд, я увидела у него в руках обычную хозяйственную сумку с пакетом молока и батоном белого хлеба. Выходит, он шел за мной от магазина и видел, как я проникла к нему во двор. Все просто, никаких чудес!

– Что ты здесь делаешь? – угрюмо спросил меня дед.

Сейчас он выглядел еще более старым и страшным, чем вчера возле магазина. Возможно, лет шестьдесят назад дед был вполне пригож, но с годами стал похож на смертный грех. Лицо изрезано глубокими морщинами, нос горбатый и обвисший, волосы даже не седые, а какие-то черно-серые,

к тому же по виду жесткие, как щетина. Одежда по моде середины прошлого века, но (удивительная вещь!) чистая и даже как будто выглаженная. Уж не Наташка ли Сидорова постаралась? И еще одно меня удивило: псиной, невымытым телом, мочой и прочими «пряностями» от старика почему-то не пахло. От него вообще ничем не пахло.

– Здравствуйте, Иван Макарович! – скороговоркой выпалила я и улыбнулась улыбкой бодрящейся идиотки.

Багров молча ждал продолжения. Ни тебе «здрасьте», ни «как поживаете»... Крайне неприветливый дедок! И смотрит, словно дырку глазами высверливает, угрюмо, неприязненно, сурово. Но, надо признать, без малейшего намека на похоть; загнул, видать, рыжий насчет его «охочести» до девушек! Ему что девушка, что собака приبلудная – все едино...

– Я к вам буквально на несколько минут! Хочу об аномалии поговорить. Если вы, конечно, не против...

– О чем, о чем? – словно не расслышав моих слов, спросил Макарыч, но мое плечо все-таки отпустил. Там, где только что лежали его пальцы, я ощутила странное давление, словно на теле остались невидимые тиски.

– О капризах дешевой погоды... – теряя остатки былой решимости, пробормотала я.

Дед молчал, продолжая сверлить меня глазами. Взгляд был уже не столько суровым, сколько удивленным. Чувствуя себя набитой дурой, я продолжила:

– Почему здесь так все устроено: когда на одном краю деревни тучи, на другом сияет солнце?

Отступив на шаг, старик весьма выразительно покрутил пальцем у виска:

– Ты, девка, случайно, на голову не больная? Зачем ко мне-то пришла? Я тебе кто – метеоролог? Или хмырь какой научный? Я старый дед, которому давно помереть пора. Так что вопросыки свои другим задавай. Например, Парашино-му внуку. Он тебе все как есть объяснит.

Его слова меня и разочаровали, и успокоили. Вместо того чтобы с ходу превратить меня в кролика или мышонка, дед предпочел нормальную человеческую речь. Так, может, он и не колдун вовсе? По моим представлениям, колдун повел бы себя иначе... Кстати, кто такой «Парашин внук»? Ах да, это ж Егор!

– Говорила я с вашим Егором, – вновь затараторила я. – Он считает, что все дело в каких-то глубинных разломах. Может, конечно, и в разломах, но, может, и не в них. Мне вот один человек сказал, что и люди могут на погоду влиять. Колдуны, например...

Тут я глубоко вдохнула и выпалила:

– Вроде вас!

Макарыч понимающе усмехнулся.

– А ты чья же такая будешь? – внезапно спросил он. – Не Марии ли Ельцовой внучка?

Мне осталось только кивнуть в ответ.

– Не любит меня твоя бабка, – продолжил он, – вот только не пойму за что. Колдуном называет... А какой из меня колдун?

«Овечкой прикидывается», – решила я, а вслух сказала:

– Я тут человек посторонний и многого не знаю, но вас не только баба Маша колдуном считает.

– А кто ж еще-то?

– Да вся деревня!

– Вся деревня?! Откуда ж ты про всю деревню знаешь? Сама всех опросила или бабушка так говорит?

– Не только бабушка. Егор с Татьяной тоже говорили...

(Ой, кажется, сболтнула лишнее! Не стоило Егора и Татьяну привлекать...)

– Вот, значит, как...

Присев на завалинку у крыльца, дед показал мне место рядом с собой, из чего я сделала вывод, что в дом меня, скорее всего, не пригласят. Покосившись на черную тучу над домом, я тоже уселась на завалинку, правда, на довольно большом расстоянии от деда. Место оказалось защищенным и от ветра, и от лишнего обзора. Деревня с него была не видна. Перед нами колыхалась высокая трава, чуть дальше темнел полусгнивший забор, а за забором начинался лес, подходящий здесь довольно близко к дороге. Дорога тоже была не видна – только трава, забор и лес. Возникло ощущение, что мы с Макарычем одни на заброшенном хуторе, где кричи не кричи, плачь не плачь – никто не отзовется и уж тем

более не придет на помощь...

– Татьяну не слушай – обычная балаболка. А Егор... Егор, конечно, видный парень, – со странной ухмылкой изрек дедок, – но... не советую!

– Чего не советуете? – в растерянности поморгав глазами, решила уточнить я.

– Дружить с ним не советую.

– Но почему?

Внезапно в темной пелене над нами ярко сверкнуло, и тут же последовал оглушительный удар грома. Вздрогнув от неожиданности, я втянула голову в плечи, а старик хмуро воззрился на черную тучу, но, как оказалось, не забыл о последнем вопросе.

– Страдать потом будешь.

– Что?

– Страдать, говорю, будешь.

– Из-за Егора, что ли?

– А из-за кого ж еще?

От возмущения я на миг потеряла дар речи. Я буду страдать из-за рыжего?! Да старик совсем офонарел. Ну надо же такое выдать! А еще колдуном считается...

Возмущенные слова наконец вырвались наружу:

– Да вы с ума сошли! Не нужен мне ваш Егор! На кой черт он мне сдался? У меня жених есть, Андрей.

– Жених, говоришь?

Иронический тон, которым он произнес слово «жених»,

больно резанул меня.

– Между прочим, у нас уже свадьба назначена, – зачем-то соврала я.

– Свадьба, говоришь? – все с той же иронией пробормотал дед и внезапно перевел разговор.

– Что ж ты к колдуну-то в гости пожаловала? – вроде бы добродушно поинтересовался он. – Неужто совсем меня не боишься?

Немного подумав, я решила ответить честно.

– А чего мне вас бояться – в кролика превратите? Как-то не верится. Я бандитов боюсь, маньяков разных – они людей просто так убивают. А колдовство – это не смертельно!

– Вот как? А ты с колдовством-то хоть раз сталкивалась?

Слегка расслабившись, я опустила руки и прислонилась спиной к стене.

– Откровенно говоря, мне с ним сталкиваться не приходилось. Так, может, и нет его вовсе? Вы-то как считаете?

Расчет на то, что Макарыч тут же продемонстрирует мне разные чудеса, не оправдался – он лишь почесал за ухом и вновь неприязненно глянул на зависшую прямо над нами тучу. Окончательно осмелев, я спросила тоном выдавшего виды журналиста:

– Так ответьте, Иван Макарович, может человек влиять на погоду?

– Человек-то? Еще как может! Возьмет, например, ракету, запустит в небо – тут тебе и ветер поднимется, и кислотный

дождь прольется.

– С ракетой-то понятно, – продолжала я гнуть свою линию. – А если без ракеты и прочих технических приспособлений? Если одним только колдовством?

– Да ты, девка, совсем сбрендил! – с внезапным раздражением отозвался Макарыч. – В столичном городе живешь, телевизор каждый день смотришь, книжки умные читаешь... и о таких глупостях спрашиваешь! Чем по чужим дворам шляться, лучше б бабке на огороде помогла! А Марии от меня передай, чтоб голову тебе всяким мусором не забивала. Я ведь знаю, что она обо мне думает, какие грехи мне приписывает. Дождь начался – Макарыч виноват, солнце палит – Макарыча козни, ветер подул – то Макарыч руками машет. С тех пор как сына схоронила, Мария сама не своя, во всем колдовство да порчу видит. В смерти сына меня обвинить готова! А сын-то ее, отец твой, кажись, в Москве помер. Меня там даже близко не было...

– Лично я вас ни в чем не обвиняю! – испуганно пискнула я.

– Зато вопросы глупые задаешь! Я же вижу, к чему ты клонишь. Сейчас спросишь, не я ли эту тучу сюда пригнал. А потом еще попросишь ее разогнать...

Окончательно смутившись, я покачала головой. Макарыч же все не унимался:

– Ты что же думаешь, старику в деревне заняться нечем, вот он тучами и забавляется?

– Да ничего я не думаю, – вновь стала оправдываться я.

– Вам, городским, деревенскую жизнь не понять! У вас удобства прямо под рукой, нужно лишь в ванную зайти да кран открыть. А здесь у нас удобств нет. Воды натаскать надо? Надо! Дров наколоть надо? Надо. Еще печку протопить, в бане крышу починить, траву на участке скосить...

Я посмотрела на высокую, колышущуюся под ветром траву. И когда это он в последний раз ее косил?

– В лесу вон ягода пошла, – продолжил дед. – Закупщик завтра из Шатуры приедет, а у меня еще и ведра не собрано! А вам, городским...

Речь старика внезапно прервалась. Издав тихий протяжный стон, он запрокинул назад свою страшную голову и заскрежетал зубами. Его жесткие, крепкие кисти судорожно сжались в кулаки.

Я мигом соскочила с завалинки и испуганно уставилась на деда. Привалившись к стене, он теперь дрожал всем телом, словно в сильнейшем малярийном ознобе. Дыхание со свистом прорывалось сквозь сжатые зубы, морщинистое лицо приобрело какой-то серый оттенок, зрачки полностью закатились под верхние веки.

– Что с вами, дедушка? – в панике крикнула я. – Может, скорую?

Старик не отвечал, продолжая мелко трястись. Противно скрипели стиснутые зубы (свои или вставные – поди разбери!), под кожей век бешено перекачивались глазные яблоки.

Прошло около минуты... Дрожание наконец прекратилось, на лбу выступили крупные капли пота.

– Не надо скорую, – еле слышно выдавил он. – Не поможет мне никакая скорая. Зажился я на этом свете, ох зажился! Вот только внука дождусь и сразу помру.

Старика вроде бы отпустило, и я вздохнула с явным облегчением, поскольку позвонить в скорую из Нелидовки было непросто. Узнать, где пригорок, с которого можно поймать сеть, я так и не удосужилась, а бежать что есть мочи в сельский магазин и врываться туда с криком «Дайте мне телефон, Макарычу плохо!» было губительно для моего расследования, поскольку пришлось бы объяснять бабуле, что я делала во дворе у Багрова.

– Ну, не надо так не надо, – быстро пробормотала я. – Пойду я, пожалуй...

– Иди, – промолвил Макарыч уже заметно окрепшим голосом. – Иди и не оборачивайся.

Его последние слова оказали на меня странное действие. Я тут же поднялась с завалинки и, не прощаясь с дедом, размеренным шагом двинулась в сторону калитки. Не то чтобы я совсем отключилась, но восприятие окружающего существенно изменилось, словно вокруг меня вдруг выросла прозрачная стена. Свет как будто убавил яркость, объекты пейзажа отделились и стали какими-то плоскими, звуки приобрели вязкость и гулкость. «Не оборачивайся, не оборачивайся, не оборачивайся», – монотонно крутилось в моем мозгу,

и любая попытка повернуть голову наталкивалась на заметное сопротивление шейных мышц.

Выйдя за калитку, я все тем же механически-размеренным шагом пошла по деревенской улице и, только миновав несколько ближайших домов, смогла остановиться. Мышцы шеи по-прежнему слушались плохо, но ноги, к счастью, оказались более покладистыми и по моему приказу развернулись на полные сто восемьдесят градусов. Со смешанным чувством любопытства и испуга я воззрилась на дом старика.

Дом уже наполовину скрылся за разросшимися вдоль дороги деревьями, виднелась лишь двускатная черепичная крыша да маленькое чердачное окошко. На темной крыше я заметила большое светлое пятно округлой формы. Несколько секунд я гадала, откуда оно взялось, потом подняла глаза выше и застыла от изумления. Сквозь нависшую тучу на крышу падал золотистый солнечный луч, сама же туча прямо на глазах стремительно редела, распадаясь на мелкие клочья облаков, уносимые ветром в сторону реки. Минут за пять небо над домом полностью очистилось, после чего ветер как по команде стих.

Мне невольно вспомнились слова деда: «А потом еще попросишь ее (то есть тучу) разогнать...» Что это: простое совпадение или нечто большое? Определенно, совпадение, иного просто быть не может. И все-таки как-то странно...

Последний раз взглянув на дом Макарыча, я двинулась дальше. Надо мной теперь сияло солнце, зато над противо-

положной окраиной буквально за несколько минут образовался плотный облачный покров. Похоже, дождь в Нелидовке все-таки будет!

Глава седьмая. Савелий

«А Макарыч-то ох как не прост! – думала я, на неуверенных ногах направляясь к дому Савелия. – Похоже, дед действительно что-то умеет. Разгон туч, конечно, не его заслуга, обычное совпадение, а вот моя реакция на его последние слова... Словно под гипнозом была, хотя гипнозу в принципе не поддаюсь».

Как-то под Новый год к нам в институт приехал гипнотизер. Выйдя на институтскую сцену, он велел собравшимся сцепить пальцы в замок, а чуть позже предложил развести руки в стороны. У многих тогда не вышло, даже у бывшей подруги Светки, так и сидели бедняги со сцепленными пальцами, пока сам артист не пришел им на помощь. У меня же пальцы разжались сразу. Несколько студентов, включая Светку, гипнотизер пригласил на сцену. Я попыталась примкнуть к ним, но артист решительно вернул меня в зал. Мне осталось лишь с завистью наблюдать из партера, как другие студенты на сцене изображают маленьких детей, рвут с пола несуществующие цветы, лежат между двух стульев, опираясь на них головой и пятками. Мне очень хотелось быть среди них, но сидевший рядом Павлик пояснил, что я не поддаюсь гипнозу. С такими, как я, артистам работать нельзя, выйдет сплошной конфуз, зато Светка для них просто подарок!

Выходит, неправ был Паша, и я поддаюсь гипнозу, все дело в силе гипнотизера... Иван Багров вовсе не колдун! Старик – сильнейший гипнотизер, намного круче, чем наш заезжий артист. Его бы тогда на сцену – неделю б никто рук не расцепил! Так что я сегодня легко отделалась. Надеюсь, следующий объект исследования не обладает подобным даром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.